

Легкие шаги в Океане

Автор:

[Наталья Солнцева](#)

Легкие шаги в Океане

Наталья Солнцева

Золото #4

Привычный мир Лены Слуцкой и Павла Широкова расслаивается во времени: до гибели Атлантиды и после. Далекие призраки исчезнувшей страны все более обретают реальные очертания.

Елену пытается убить ее бывший жених, потому что его преследует женщина очень похожая на Лену. А Павел обращается к отшельнику, чтобы узнать, что с ним происходит. Но тот называет его «ключом» и отказывается что-либо объяснять. Приятно ли ощущать себя «ключом» к раскрытию тайн? Выбирать не приходится, все случилось давным-давно и сопротивляться этому невозможно.

Все разъясняет давно умерший друг Павла, в образе которого к нему приходит Посланник с его такой далекой и рухнувшей в морскую пучину родины...

Наталья Солнцева

Легкие шаги в Океане

© Солнцева Н., 2013

© ООО «Издательство Астрель»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя.

И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Часть II

«На самом деле эти обманы являются лишь обманами нашего ограниченного сознания».

Хольгер Кальвайт

Глава 1

Таймыр

Жилев ощущал неприятную боль в сердце. Она была не так сильна, чтобы пить лекарство, но отвлекала, беспокоила, вызывая тоскливые мысли о тщете всего сущего, о том, что половина жизни, притом лучшая, уже прошла и что впереди – старость, немощь и угасание. А он еще не осуществил свою заветную мечту.

Степан Игнатьевич имел нервную, чувствительную натуру. Необычайно впечатлительный, он увлекался до страсти, до изнеможения, умел предаваться своему интересу весь без остатка. Подобная одержимость, с одной стороны, помогала ему добиваться желаемого, преодолевая всевозможные трудности, а с другой – опустошала, приводила к редким, но тяжелым приступам меланхолии.

Впрочем, до сих пор Жилеву удавалось быстро справляться с этим состоянием и возвращаться к обычной напряженной работе, к разъездам и, главное, – к научным исследованиям. Многие бывшие и нынешние коллеги Степана Игнатьевича оспаривали его выводы, подвергали сомнению самую суть его научных трудов и раздражались в его адрес обидной и нелюбезной критикой, называя Жилева «сумасшедшим фантазером». Раньше, по молодости лет, он не обращал на эти злобные нападки особого внимания. Но теперь...

Мечтая найти следы легендарной Атлантиды, дабы навсегда заткнуть рот скептикам, Степан Игнатьевич не имел постоянного места работы. Будучи привязанным к работодателю и зависимым от его воли, как бы Жилев мог отлучаться на раскопки, организовывать археологические экспедиции, сутками просиживать в библиотеках и архивах? Это было бы невозможно. Однако сами исследования и поиски требовали немалых затрат. Вопрос «где взять деньги?» постоянно преследовал Жилева.

Поначалу он пробовал достать денег, штурмуя различные фонды, общественные организации и даже госструктуры. И всюду ему советовали обратиться за спонсорской помощью к олигархам. Этот путь оказался тернистым. Олигархи разъезжали по всему миру, так что застать их в Москве было довольно трудно. Да Жилева бы к ним и не подпустили. Охрана и натасканная челядь рьяно отработывали «хлеб с маслом»: личные контакты были исключены, а на письма отвечали равнодушные секретари. После безуспешных попыток пробиться на прием к олигархам Степан Игнатьевич решил переключиться на бизнесменов рангом пониже. И тут ему повезло. Нашлись люди, которым идеи господина Жилева не показались «бредом» и «пустыми выдумками». Он получил деньги и, наконец, непосредственно приступил к поискам.

Дополнительные средства Степан Игнатьевич зарабатывал, печатая научно-фантастические статьи в крупных журналах. На жизнь хватало. Ему даже удалось издать несколько тоненьких книжек: «Тайны прошлого», «По следам Атлантиды» и «Таймыр – ледяной саркофаг исчезнувшей цивилизации». Книги пользовались популярностью, особенно последняя, излагающая интересную гипотезу. Руссы – наследники таинственных атлантов? Это привлекло к Жилеву внимание в определенных кругах, неискушенных в археологии, зато преданных национальной идее.

Последняя статья ученого «Следы Атлантиды на севере Сибири» всколыхнула общественное мнение. О Жилеве и его исследованиях заговорили. Не так успешно, как хотелось бы, но все же «миф об Атлантиде» начал пробивать себе дорогу. Средства потекли, из скудного ручейка превращаясь в приличную речушку. Год назад Степан Игнатьевич смог организовать долгожданную экспедицию на Таймыр.

Холодное, жутковатое величие арктической природы поразило его воображение. Он не представлял себе, что такое полуостров Таймыр – огромная, протянувшаяся между Леной и Енисеем часть суши, десять месяцев в году покрытая льдом и снегом. Здесь лежала самая северная оконечность Евразийского материка – мыс Челюскин, а продолжение Таймыра – архипелаг Северная Земля заканчивался мысом Арктический, откуда до полюса оставалось всего 960 километров. Бывалые полярники только разводили руками, слушая ученого.

– Таймыр расположен за Северным полярным кругом! – восклицали они. – Вы представляете себе, что это значит? Там же вечная мерзлота! Реки и озера

зимой промерзают почти до самого дна, а в горах Бырранга температура достигает минус шестидесяти. О каких раскопках может идти речь в подобных условиях?

Жилев оставался непреклонным.

– Меня не интересуют горы, – невозмутимо отвечал он. – Меня привлекают побережье и шельф[1 - Шельф – часть подводной окраины материков, прилегающая к берегам суши.] моря Лаптевых.

– Как вы туда доберетесь? – недоумевали полярники. – На собачках? На Таймыре существуют только два надежных вида транспорта: олени и собачьи упряжки. Вы что предпочитаете?

Степан Игнатьевич совершенно упустил из виду, что железная дорога Дудинка – Норильск – Талнах находится далеко от побережья моря Лаптевых, так же как и порт Диксон, где имеется небольшой аэродром. Как большинство ученых, он был настолько поглощен своими идеями, что не брал в расчет такие «мелочи», как труднодоступность территории, климат и прочее.

Знающие люди посоветовали Жилеву воспользоваться Северным морским путем до Хатанги.

– Там на месте разберешься, – сказали они. – В конце концов, на Таймыре существует туристический бизнес: поездки на Северный полюс через Хатангу. Большие деньги люди платят, чтобы испытать настоящие трудности, почувствовать себя первопроходцем. Так что дерзай, авось не пропадешь. На Диксон раз или два в неделю летит самолет из Норильска.

Степан Игнатьевич с головой ушел в приготовления. Ему не сразу удалось подобрать хорошую команду – таких же одержимых, как он сам. Без преданных, увлеченных помощников на Таймыре делать нечего. Это Жилев понял после многочисленных встреч и бесед с полярниками, любителями северных путешествий и экстремальных развлечений. Через полгода он собрал надежных людей, и группа из двенадцати человек, снабженная необходимыми для исследований приборами и снаряжением, вылетела из Москвы в Норильск.

Перед вылетом Жилев приехал к учителю – Михаилу Эрнестовичу Войтичу – получить благословение.

Войтич долго вытирал слезящиеся глаза, качал головой.

– Молодец, Степа, – похлопывал он по спине любимого ученика. – Ты сделал то, чего я не смог. Горжусь тобой, мой мальчик, и желаю успеха. Он тебе ох как нужен!

Это Войтич заразил Степана, молодого восторженного студента МГУ, болезненной страстью познания неведомого. Михаил Эрнестович читал студентам лекции об археологических сенсациях, тайнах пирамид Египта и американских индейцев, об исчезнувших великих культурах. Тогда Степа Жилев впервые задумался об Атлантиде как о некогда реально существовавшей цивилизации, следы которой почему-то до сих пор не найдены. Зерно упало на благодатную почву. Найти то, чего никто до него не находил. Увидеть невиданное! – это жгучее желание овладело молодым человеком. Все остальное отступило на второй план. Атлантида стала вожделенной целью, затмением, поглотившим Степана целиком и полностью. Чем больше он погружался в ее призрачный мир, тем сильнее тот его притягивал. Действительность превратилась в картонную декорацию к трагической драме «Расцвет и гибель Атлантиды». Жилеву казалось, что, если он поймет эту тайну, он поймет нечто неизмеримо важное, гораздо более значительное, чем вся известная история Земли. Будто бы Атлантида была ключом к чему-то, тщательно скрытому от людей.

Только увидев своими глазами суровые просторы Таймыра, прорезанные горами Бырранга, мрачные снега и ледники, арктические пустыни, угрюмые черные скалы и необозримые болота, Жилев понял, как непросто будет отыскать следы Атлантиды, затерянные среди этого ледяного безмолвия, овеянного дыханием Северного Ледовитого океана.

Куда браться египетским пескам, хранящим саркофаги мертвых фараонов! Гробницу Атлантиды – неприступную и поистине надежную – создала сама планета, укрыв ее толщами мертвых вод и льдов.

– Лучше нельзя было придумать! – прошептал занемевшими губами Жилев, ступив на неприветливую землю Таймыра. – Никто не смеет тревожить покой

Богов...

Эта мысль вселила в его сердце сомнение. Куда он лезет? Вездесущее человеческое любопытство не ведает границ и приличий, не спрашивает позволения. Тайны могут нести с собой опасность, о которой настырный исследователь не задумывается.

Глядя на затянутый белесой дымкой горизонт, на ледяную крошку, качающуюся в свинцовых волнах Хатангского залива, Степан Игнатьевич почувствовал себя непрошеным гостем и впервые ощутил тревожную ноющую боль в сердце.

«Может, повернуть обратно, пока не поздно?» – подумал он и тут же прогнал коварную мысль.

– Это наше испытание на прочность, – сказал он своим людям, которые уныло смотрели на сваленное прямо на грязный ноздреватый снег оборудование. – Надеюсь, вы не подведете ни себя, ни меня.

Члены экспедиции молчали. Даже неугомонный балагур и насмешник Антон Шелест, веселивший в дороге всю компанию, притих.

Тюки, ящики и брезентовые мешки тут же заносило снежной крупой. Погода портилась. С каждой минутой ветер усиливался. Вскоре сквозь снежную мглу показался вездеход, который послали за ними из ближайшего поселка рыбаков и охотников. Ребята оживились, погрузили поклажу.

– Я отвезу груз и вернусь за вами, – сердито сказал водитель, небритый парень с обветренным лицом и колючими глазами. – Тут рядом.

Так их встретил Таймыр...

Команда освоилась, привыкла к здешним условиям и приступила к своей непосредственной задаче. Все оказалось не так уж страшно.

Отшумела короткая полярная весна. Летом тундра, озера и предгорья кишели перелетными птицами. Степан Жилев, городской житель, никогда не видел

такого скопления уток, гусей, куликов, лебедей и гагар. Он не уставал удивляться, как эта скудная природа тундры кормит такую прорву живности. Местные жители, ненцы, кочевали вместе с оленьими стадами: сначала на север, в горы, потом к приморским низменностям, а оттуда к концу лета – обратно. Цивилизация мало-помалу добралась и до Таймыра: у оленеводов появились спутниковые навигаторы.

Степан Игнатьевич подолгу разговаривал с ненцами на ломаном русском языке, расспрашивал о том, что его интересовало. Еще в Норильске он раздобыл карту палеонтологических находок. Очень давно на Таймыре обитали мамонты, которые по непонятным причинам вымерли. Все находки были никак не связаны с Атлантидой, даже отдаленно.

На зиму экспедиция решила остаться в поселке, в рубленом доме с двумя печами, черным очагом и пристроенной баней. Уж больно далеко было отсюда до Москвы с ее огнями, театрами, магазинами и бульварами. Здесь, среди дикой тундры, городская жизнь казалась феерическим сном.

На побережье опустилась полярная ночь. Залив замерз, по его черному льду гуляли поземки. Дул пронизывающий северный ветер, бушевали метели, бревенчатые стены дома трещали от стужи.

Члены команды Жилева жили в одной большой комнате, разделенной печью на две половины. Непрерывно стоял на огне чайник, из его закопченного носика шел душистый травяной пар. Питались тушенкой, консервами, мороженой рыбой и вяленным оленьим мясом. К счастью, никто не заболел, не затосковал по городу. При керосиновой лампе изучали старые карты экспедиции Витуса Беринга, записи полярных исследователей – моряков Петровской эпохи Василия Прончищева, Семена Челюскина, Харитона Лаптева. Надеялись обнаружить хоть какую-то зацепку, хоть что-то связать с Атлантидой. Увы!

Весной Жилеву пришлось одному ехать в столицу, за деньгами и кое-какими документами. Остановиться решил у Войтича, заодно и поделиться с учителем неутешительными результатами. Мелкие, ничем не примечательные находки, привезенные из прошлых экспедиций по Восточной Сибири, теперь казались значительным достижением. А Таймыр упорно не желал раскрывать свои тайны.

Войтич, как мог, успокаивал расстроенного исследователя. И тут – звонок из Хатанги! Наконец каким-то чудом ребята нашли интересную вещицу. Жилев, не раздумывая, все бросил и полетел в Норильск. Там ему пришлось просидеть неделю, ожидая подходящей погоды. Положение спасли шведские туристы, которые на перекладных добирались до Хатанги. Их привлекал полюс, а Жилева – долгожданная находка.

Всю дорогу у него ныло сердце...

Глава 2

Москва

– Как ты меня нашел? – удивился Марат.

– Обижаете, – улыбнулся Глобов. – Нас Багиров гонял, как положено. Кое-чему научились.

Он был одет в элегантный костюм, на манжетах рубашки красовались золотые запонки, бритая голова блестела. Под пиджаком бугрились накачанные мышцы.

– Солидно выглядишь, – усмехнулся Калитин. – Что ж начальника своего не уберегли?

Глобов – старший менеджер компании «Сибирь-нефть» – помрачнел. Плеснул в стакан водки, выпил одним глотком.

– Простить себе не могу, что не поехал тогда с ним в Балашиху, – вздохнул он. – Багиров всюду таскал с собой помощника, из своей когорты. Доверял ему. Если хотите знать, я его виноватым не считаю. Всего не предусмотреть, не упредить. Может, и я бы на его месте убийцу проморгал.

- Переживаешь?

- Appetit потерял. Верите?

Господин Калитин пожал плечами. Двухметровая плечистая фигура Глобова никак не подтверждала отсутствие аппетита. Скорее наоборот.

- Ты, видать, тело тренируешь в ущерб мыслительному процессу, - скривился Марат. - А надо больше мозгами работать.

Глобов махнул рукой, не обиделся.

- Вы меня не провоцируйте, не поддамся. Я дзен-буддизм практикую. Отличная вещь. Не пробовали?

- Чего я только не пробовал, - усмехнулся Марат. - И все-таки, почему ты именно ко мне пришел? За какой такой надобностью? Я от дел давно отошел, с тех пор как закрылось сыскное агентство «Барс». Теперь занимаюсь предоставлением фотоуслуг населению и гостям столицы. Студия моя называется «Профиль». Могу организовать выезд фотографа на дом, видеосъемку торжеств...

- Да знаю я, знаю, - перебил менеджер. - Я к вам не как к сыщику пришел. Вот...

Он вытащил из кармана заклеенный почтовый конверт, положил на стол и придвинул к собеседнику. На конверте была надпись: «Марату Калитину. Передать лично в руки в случае моей смерти».

- Ну?

- Этот конверт я нашел в сейфе Багирова, когда разбирал его бумаги. Передаю его вам.

- Как ты меня нашел? - повторил свой вопрос Калитин.

- Легко. Багиров, как вам известно, был у нас начальником службы безопасности. Как профессионал, посмертную записку мог оставить только

такому же профессионалу. Вы же не думаете, что в этом конверте завещание или признание в любви?

- Не думаю, - согласился Марат.

- Вот и я не подумал. Начал наводить справки среди бывших сослуживцев Багирова и вышел на сыскное агентство «Барс». Остались сущие пустяки - выяснить ваш адрес. Кстати, откуда вы узнали о гибели Багирова?

- Из газет, - ответил Марат. - Я читаю криминальную хронику.

Глобов опустил голову, весь как-то поник.

- Как это могло случиться? Проклятие! - пробормотал он, наливая себе еще водки. - Я не ожидал...

- Ты не за рулем, я надеюсь?

- Плевать!

- Закуси, - предложил Калитин, подвигая к собеседнику тарелку с салатом.

- Не хочу...

Глобов сжал зубы, его скулы побелели.

- Как все было? - мягко спросил Марат. - Расскажи.

- Глупо ужасно... Мы одного типа разыскивали. Из Балашихи сообщили, будто видели его там. Ну, Багиров с помощником и поехали.

- Что за тип?

- Да обыкновенный пьянчуга, дебошир! Некий Пилин. Его по хулиганке задержали. Драку устроил.

– Зачем он вам понадобился?

Глобов вертел в руке пустой стакан, раздумывая, не плеснуть ли еще водочки.

– Запутанная история с этим Пилиным, – вздохнул он. – И долгая.

– Я не спешу.

Менеджер рассказал Марату все, что знал в связи с наездом на Широкова, о стрельбе на заправочных станциях, о подозрениях по поводу Пилина.

– Багиров считал, будто бы это Пилин «заказал» хозяина. Поэтому мы его и разыскивали повсюду.

– А ты не согласен?

– Тупому алкашу заказуха не по зубам. Ну кто такой Пилин? Откуда у него бабки? Это же не пивной лоток разгромить.

Марат кивнул. Но Багиров... как он мог не понимать?

– Поехали они в Балашиху, – вернулся к своему Глобов. – Только Пилина уже отпустили из ментовки. Козлы! Пришлось к его бабе тащиться. Чувак, оказывается, у поварихи из вокзальной кафешки пригрелся. Не застали, конечно. Вернулись к машине... Багиров вдруг надумал визитку оставить этой... сожительнице Пилина. Велел помощнику отнести, а сам в машине остался. Всего-то минут на пять! Помощник вернулся, глядит... Багиров как будто вздремнул, голову на руль положил... а он уже все, не дышит...

– Причина смерти?

– Перелом шейных позвонков.

– Ясно.

– А вот мне ничего не ясно! – разозлился Глобов. – Ничего! Пилина они не застали, собирались уезжать... Кому понадобилось убивать Багирова? Как это произошло? Он человек опытный, его врасплох не застанешь. Ума не приложу, как такое случилось...

Марат взял в руки конверт, осмотрел.

– Для самого Багирова смерть не казалась неожиданной. Иначе он не написал бы этого письма. Видать, что-то предчувствовал.

– Почему нам не сказал? – возмущенно воскликнул Глобов. – Мы бы меры приняли...

Он осекся под насмешливым взглядом Калитина. Действительно. О чем он говорит? Последние месяцы вся служба безопасности во главе с Багировым только тем и занималась, что принимала всевозможные меры. И что? Кому это помогло? Широкова спасло чудо, а сам Багиров расстался с жизнью.

– Кроме письма, Багиров никаких устных пожеланий, просьб не передавал? – уточнил Марат.

– Вам? – Глобов налил себе еще водки, выпил, не закусывая. – Нет. Он и про это письмо никому не говорил. Повторяю: я его случайно обнаружил в сейфе, когда разбирал бумаги. Не знаю, о чем там идет речь. Вы прочитайте, тогда сами все поймете.

С Борисом Багировым судьба свела Марата несколько лет назад. Багиров тогда его выручил, возможно, помог избежать гибели. Потом они изредка встречались, оказывали друг другу некоторые услуги. Багиров пару раз неплохо поработал на «Барс», за соответствующую плату, разумеется. Он был надежным товарищем, содействовал «своим», как мог.

– Пришла пора отдавать долги, – сказал Калитин, пряча письмо в карман пиджака.

– Ч-что? – не понял Глобов, которого уже «повело» от выпитой на пустой желудок водки.

– Пожалуй, я пойду, – произнес Марат, вставая и кладя на столик деньги. – За себя я всегда плачу сам.

Глобов неловко привстал.

– В-вы... мой гость...

– В другой раз, – улыбнулся Марат, пожимая его огромную ладонь. – Надеюсь, еще увидимся.

Он легко пересек полутемный зал ресторана, сунул швейцару чаевые и с удовольствием вдохнул свежий, сладкий воздух липовой аллеи. Летний закат позолотил стволы деревьев, лег медными кружевами на теплый асфальт.

Господин Калитин спешил домой, чтобы в тишине своего кабинета, отрешившись от суеты хлопотного, заполненного до отказа дня, прочитать последнее письмо Бориса Багирова...

Глава 3

Подлипки

В раскрытое окно вместе с вечерним ветерком влетела бабочка. Она уселась на край занавески и сложила свои мохнатые крылышки.

– Красавица... – прошептала Лена. – Как я тебе завидую!

Бабочка пошевелила усиками и медленно поползла вверх.

– Почему люди не летают так, как бабочки? – перефразируя знаменитые слова Катерины из «Грозы»^[2 - «Гроза» - здесь пьеса русского драматурга А. Н. Островского.], вздохнула госпожа Слуцкая. – Сейчас бы взмахнуть крыльями...

Телефонный звонок перебил ее монолог и вернул к суровой реальности.

- Тьфу ты! - возмутилась она.

Путаясь в мамином японском халате, она поспешила в гостиную. Телефоны и будильники, считала Лена, грубо и навсегда разрушили мир лирических грез и девичьих снов, превратили тургеневских женщин в прагматичных конторских служащих и бизнес-леди. Какая уж тут романтика! Мужчины всё вокруг стараются причесать своей механической гребенкой. Они скоро спать будут в своих «мерседесах», обнимая компьютеры. Последний оплот, сопротивляющийся повальной механизации, - это женщины. Их настойчиво хотят превратить в кухонно-уборочные комбайны, которые по ночам переключались бы на секс. Нажал кнопку - домработница, нажал другую - сексуальная партнерша. Такой программы, как «речь» или «мысли», для них наверняка не предусмотрено. Зачем? Мало, что ли, мужчины намучились? Они себе не враги.

- Алло?

- Лена? Это мама, - издали прозвучал голос генеральши. - Я битый час пытаюсь тебе дозвониться. Связь просто ужасная! Как ты там? Не голодаешь?

Родители уехали на месяц в кардиологический санаторий. По этому поводу Леночку, благо она все еще была на больничном с травмой ноги, срочно вызвали на дачу в Подлипки.

«Мы не можем оставить дом без присмотра на целый месяц, - решительно заявила генеральша. - Тебе придется пожить здесь, пока мы не вернемся».

«Но...»

«Отцу необходимо подлечиться, - повысила голос Элеонора Евгеньевна. - Что за неблагодарную дочь мы с тобой вырастили, Котя? Думает только о себе!»

«Мой больничный кончается через два дня, - робко возразила Леночка, с жалостью глядя на отца, который действительно плохо выглядел. - А ездить из Подлипок на работу с больной ногой...»

«Я оставляю тебе денег на такси».

После подсчетов оказалось, что ежедневная езда в Москву на такси обойдется недешево. Генеральша позвонила знакомому профессору, и тот пообещал все устроить.

«Придется заплатить, – смущенно кашлянул он. – Такие времена...»

«Времена всегда одинаковые, – парировала Элеонора Евгеньевна. – Сколько?»

Сумма, которую назвал профессор, оказалась поменьше той, что пришлось бы заплатить за такси, и генеральша без колебаний согласилась.

Леночка получила больничный еще на месяц. Ее перевезли в Подлипки и после тщательных инструкций оставили одну в двухэтажном доме. Перед самым отъездом Элеонора Евгеньевна забила продуктами холодильник и кладовку.

«Ты же из-за своей лени без хлеба будешь сидеть! – сердито сказала она на прощание. – Я купила много сухарей, бульонных кубиков, вермишели и яиц. Надеюсь, яичницу ты сможешь пожарить. Перекрывай на ночь газ и воду, а то...»

Выслушав последние наставления, Лена закрыла за родителями дверь и с облегчением перевела дух. Перспектива жить целый месяц одной на даче ее не радовала, но это все же лучше, чем ходить на опостылевшую работу.

Генеральша была серьезно озабочена пошатнувшимся здоровьем своего мужа и поехала с ним в санаторий, дабы тот находился под ее неусыпным вниманием. Никодим Петрович сильно сдал. Он побледнел, осунулся, щеки ввалились, а сон и аппетит оставляли желать лучшего. Врачи разводили руками.

«Ничего серьезного, – с бодрой улыбкой сообщил генеральше главврач санатория, просмотрев анализы и кардиограмму. – Мы быстро поставим его на ноги!»

«Почему же он так похудел?» – с сомнением спросила госпожа Слуцкая.

«Усталость, – вздохнул доктор. – Военная служба не сахар. Ответственность, риск... Кому как не вам знать, что такое жизнь офицера? Да вы не волнуйтесь. У нас прекрасные специалисты, диетическое питание, целебный воздух. Недели

не пройдет, как вы заметите улучшения».

«Дай-то Бог!» – слабо улыбнулась генеральша.

Слова врача немного успокоили ее, и, отправив Никодима Петровича на процедуры, она вспомнила о бестолковой дочери.

«Буду звонить ей через день, – решила Слуцкая. – А то она если не умрет от голода, то непременно пожар в доме устроит. Или потоп».

Леночка же, осознав, что ей придется провести на даче долгий одинокий месяц, приуныла.

Господин Широков остался в Москве, в окружении молодых, красивых и бойких девиц, которые своего не упустят. Смешно думать, что он хотя бы раз вспомнит о непутевой соседке, доставившей ему столько хлопот. И с Розой Абрамовной особо не поболтаешь, – разве что по сотовой связи. Но пожилая дама терпеть не может мобильный телефон.

Звонки матери раздражали Лену. Генеральша относилась к ней, как к ребенку с синдромом Дауна, забывая, что дочь давно проживает одна в московской квартире, которая до сих пор не сгорела и ни разу не была затоплена или ограблена. Лена все же ухитрялась запирать дверь, уходя, выключать электроприборы и газ, а также поддерживать свой организм в удовлетворительном состоянии. Смерть от истощения ей точно не грозила.

Но Элеонора Евгеньевна была уверена, что без ее указаний дочь не протянет и недели. А тут Лене пришлось доверить загородный дом! От этих мыслей у генеральши начиналась мигрень, поднималось давление, и она начинала звонить в Подлипки.

– Ты проверяешь на ночь краны в ванной комнате? – спрашивала она с нотками трагизма в голосе.

– Нет, – позевывая, отвечала Лена. – Зачем? Если начнется пожар, вода окажется как нельзя кстати. Отсыревшая древесина плохо горит.

– Ты издеваешься над матерью! – возмущалась генеральша, нервно оглядываясь. Ей не хотелось приобрести в санатории репутацию скандальной особы. – Я тебя вырастила, чтобы...

– ...спокойно встретить старость, – подхватывала дочь.

– Вот именно. Ты готовишь себе первое? Вари хотя бы жидкую вермишель, а то заработаешь язву желудка.

– Воспаление кишечника, цирроз печени и геморрой, – привычно перечисляла Лена. – Я знаю, мама.

– Лишний раз напомнить не помешает!

Генеральшу невозможно было сбить с толку. Если бы она выбрала военную карьеру, то дослужилась бы до главнокомандующего.

Зарядили дожди. Лена тоскливо смотрела через залитое водой стекло, как косой ливень обрушивается на сад. Выходить из дому можно только в резиновых сапогах. Дорожки развезло, у калитки образовалась большая мутная лужа. Благо, продуктов в доме оказалось достаточно, чтобы не бегать по магазинам.

Лена решила телевизор не смотреть и коротала время, раскладывая сложные пасьянсы. Шум дождя убаюкивал, и она рано ложилась спать, поздно вставала. По ночам старая ель стучала ветками по крыше, из открытых окон пахло мокрой землей и хвоей. Сны исчезли. Они остались в Москве, полной воспоминаний и несбывшихся надежд.

Раскладывая карты, Лена вдруг подумала, что эти глянцевые картинки, на которых изображены короли, валеты, дамы, тузы, шестерки и девятки, предназначены не только для игр и пасьянсов. Карты издавна использовались для предсказания судеб и постижения жизни. Вселенная Карт исполнена скрытого смысла...

Лена была воспитана родителями в строгости и научном материализме. Бабушка Анастасия Кирилловна пыталась преодолеть сухой рационализм и пробудить в

сознании внучки тягу к мистическому, но не преуспела в этом.

Лена питала слабость к литературе по оккультизму и магии, но воспринимала прочитанное только как забавное чтиво. В их семье никогда не гадали, не ворожили, не колдовали и не обращались к экстрасенсам, магам и пророчицам. Подобные вещи считались ерундой, выдумками для выманивания денег у дураков.

– Не хватало еще превратиться в добычу для цыганок, которые пристают на улицах к прохожим, предлагая свои услуги, – пробормотала Лена.

И все-таки... мысль о гадании запала ей в голову. Уж очень велико было искушение заранее узнать, что ждет в туманном будущем.

Она плотнее закуталась в мамин халат. Из окон тянуло сыростью, дождь барабанил по подоконникам и козырьку крыльца. Очередной телефонный звонок помешал Лене закончить пасьянс. Номер был незнакомый...

– Алло? – хрипло сказала она, почему-то замирая от волнения.

– Елена Никодимовна?

Этот голос она узнала бы из тысячи. Вот так сюрприз!

– Елена Никодимовна, это Широков... Вы меня слышите?

– Да...

– Можно мне приехать к вам? Еще не слишком поздно?

– К-ко мне? Я... на даче, – пробормотала Лена непослушными губами. – В Подлипках.

– Мне это известно, – усмехнулся Широков. – Так можно или нет?

«Разумеется, ему известно! – подумала она. – С такими связями ему известно всё и обо всех. Какая же я балда! Наверняка Широков знает о том, что мои родители в санатории. Что ему нужно?..»

– Приезжайте... – промямлила она и бросила трубку, как будто бы та жгла ей руку.

Телефон жалобно звякнул и замолк. Сильный порыв ветра распахнул окно, и Лену окатило ледяными брызгами...

Глава 4

Москва

– Мне придется отлучиться часа на два, – извиняющимся тоном сказал он. – Приготовишь что-нибудь? Продукты в холодильнике. Бери, что хочешь.

Оставшись одна, Ангелина Львовна открыла холодильник. Она не любила стряпню, но иногда приготовление пищи развлекало ее. Выбирая между мясом и рыбой, она предпочла тушку лосося. Красная рыбка в нежном соусе с овощами и лимоном будет как раз кстати к белому вину.

Время пролетело незаметно. Лосось поспел, салат из креветок и мидий горкой лежал на тарелке, а Марата все не было и не было.

От скуки Закревская сварила себе кофе. После второй чашки ей захотелось позвонить ему на мобильный и устроить выговор. Она обожала отчитывать его, понимая, что это все игра, приятная для обоих, и что он тоже понимает и охотно подыгрывает ей.

Калитин позвонил первым.

– Я уже еду, – сказал он. – Ты сердисься?

– Еще как! Будешь теперь есть холодного лосося.

– С удовольствием.

Марат свернул к дому, размышляя о том, как удачно складывается его жизнь. Встреча с Линой – настоящий подарок судьбы. Он осознал это полностью только там, в горах Памира, когда решал для себя: оставаться ему или возвращаться[3 - Подробнее читайте об этом в первых книгах серии Н. Солнцевой «Золото».]...

После Памира он смотрел на людей отстраненно, ощущая себя заезжим гостем. Потом эта отстраненность сменилась интересом к людям. Что они знают о себе? Может статься, многие из них такие же залетные пташки, как и он. Так же, как и он, забывшие свои истоки. Начало почти всегда утеряно.

Впрочем, повседневные дела и заботы взяли свое. Очень быстро чувство отчужденности прошло, и все вернулось на круги своя.

«После Памира я стал другим, – понял Марат. – Или самим собой. Мне предстоит познавать себя вновь. Это будет захватывающе!»

Никто не замечал произошедших в нем перемен, – и он снова стал Маратом Калитиным. Главного о нем не знал теперь никто, кроме Лины. Это сделало их любовь особенной, сокровенной тайной.

Лина встретила его в прихожей со словами:

– Где ты пропадаешь? Лосось остыл.

– Зато я весь горю, – ничуть не смутился Марат. – А ты, дорогая?

Она увернулась от его объятий и пошла на кухню, где был накрыт стол.

Они пили белое вино и ели остывшую рыбу, которая все равно оказалась вкусной.

Когда Лина уснула, Марат осторожно, стараясь не потревожить ее, встал, достал письмо и отправился в кухню. На столе стояли оплывшие свечи. Он зажег одну и

раскрыл конверт. Читая послание «с того света» третий раз, он искал в нем разгадку смерти Багирова...

«Привет тебе, Марат! – писал тот. – Раз ты читаешь мое послание, значит, я уже мертв. Возможно, общение с мертвецами тебе не по нраву? Сделай исключение для старого товарища. Я и сам не любитель подобных штук. Всю сознательную жизнь я придерживался теории материализма. Только события последних месяцев пошатнули мой рационализм и железную логику.

Не так давно вокруг моего босса, небезызвестного Павла Широкова, начали происходить странные события. Сначала я принял их за обычные разборки, связанные с переделом собственности. Но чем дальше, тем больше я убеждался, что не все так просто. Нападения следовали одно за другим, а никаких требований не выдвигалось. Никто не выходил с нами на контакт.

Я задействовал все свои каналы, но никто не смог пролить свет на происходящее.

Пока мне ясно одно: некто спланировал и последовательно осуществляет акцию то ли устрашения, то ли... сам не знаю чего. Посуди сам, каков расклад: обстрел заправок, проникновение в квартиру Широкова, покушение на его жизнь, которое сорвалось по чистой случайности. Киллер ушел, и никто не помешает ему повторить попытку.

За неимением ничего другого, я выдвинул версию личной мести. Но мотивы, мотивы? Единственная зацепка – давний конфликт между Широковым и Георгием Пилиным. Мы занялись отработкой этой версии, хотя мне самому она казалась «притянутой за уши».

Нам удалось захватить одного из налетчиков, некоего Завьялова. Он, как я и думал, оказался наемником и рассказал не много. Интересный факт – парень по фотографии опознал в Пилине заказчика. Если честно, я был удивлен и сбит с толку. Ни психологически, ни логически никак Пилин не тянет на эту роль. Мало того, по словам Завьялова, заказчик не скрывался, на встречу с ним явился лично и даже представился. Знаешь как?

Демоном Мрака!..

Тогда это показалось мне смешным. Сейчас я изменил свое мнение.

Налетчик выглядел ужасно напуганным. Мы рассчитывали с его подачи выйти на заказчика, но Завьялов без видимых причин умер. Прямо в охраняемом бетонированном подвале кто-то сумел с ним расправиться. Причем на теле не было серьезных повреждений. Как ни глупо это звучит... получается, Завьялов умер от страха.

С той минуты мной исподволь овладевала безотчетная тревога. Я ощущал «дыхание смерти» рядом с собой. Не могу передать этого чувства, но смерть как будто приблизилась ко мне вплотную.

То, что ты читаешь это письмо, свидетельствует в мою пользу. Я не псих, не паникер и не фантазер. Я умер! Это непреложный факт.

Я не трус и никогда не страдал неврастенией. Но предупреждаю: за всем, что творится вокруг Павла Широкова, скрывается нечто большее, лежащее за пределами нашего понимания.

Я думаю, после моей смерти он обратится за помощью к тебе. Будь очень осторожен. Выбирай сам, соглашаться или нет. В случае, если ты примешь решение ввязаться в это гиблое дело, тебе лучше знать все.

Подробности опускаю. Появится необходимость, побеседуй с Глобовым. Он посвятит тебя в детали. Со своей стороны оставляю тебе ниточки, которые не успел отработать.

Георгий Пилин.

Эльза Малер, ныне покойная.

Кинжал, оставленный неизвестным лицом в квартире Широкова.

Елена Слуцкая, соседка Широкова по дому.

Все отчеты о проделанной работе хранятся в моем служебном сейфе, в папке № 8. Копии материалов лежат у меня дома, в тайнике на балконе.

Прощай. Не поминай лихом. Борис Багиров».

Далее были приложены записки. Одна для Глобова, чтобы выдал из сейфа означенную папку Марату Калитину по первому требованию; другая – жене Лиде по поводу тайника.

Марат задумался. Смерть Багирова поразила его своей бессмысленностью. Смешно надеяться, что господин Широков не найдет себе другого начальника службы безопасности. Правда, на некоторое время он останется без надлежащей защиты. И злоумышленники попытаются использовать этот шанс.

Калитина не удивило упоминание Багировым Елены Слуцкой. Опять она! Теперь уже в связи с Широковым. Пора бы заняться этой дамочкой всерьез.

– Ты почему не спишь?

Марат поднял голову. Свеча почти догорела и чадила. В ее колеблющемся пламени Ангелина Львовна казалась взволнованной и растерянной.

– Я проснулась, а тебя нет, – сказала она. – Что ты делаешь ночью на кухне?

– Разбираю корреспонденцию, – улыбнулся Марат.

– Почему при свечах?

– Люблю живой огонь. Хочешь выпить?

– Хочу. – Она подошла к столу и посмотрела на письмо. – От кого это?

– От покойника.

– Можно полюбопытствовать?

– Тебе лучше не читать.

– Я сама знаю, что лучше, – она взяла письмо и вопросительно посмотрела на Марата. – Любовное? От женщины! Ты нарочно меня пугаешь, чтобы я не читала. Мертвецы писем не пишут.

– Пишут... иногда.

Калитин налил вина ей и себе. Она все-таки принялась читать, не обращая внимания на его предупреждение.

– Та самая Слуцкая? – спросила она, закончив.

– Интересно, да?

– А кто такой Багиров? Ты его знаешь?

– Знал. Мы пересекались по работе.

– Жуткое письмо! – поежившись, сказала Ангелина Львовна. – Мне холодно, закрой форточку.

Марат исполнил ее просьбу. Некоторое время они сидели молча. Свеча потрескивала, стекая на подсвечник.

– Надеюсь, ты не собираешься охранять Широкова?

– Во-первых, меня еще никто об этом не просил. А во-вторых...

– Не соглашайся, – сказала она. – Мне страшно...

Глава 5

Планета Земля. Цивилизация Сольгер. Двенадцать тысяч лет назад

С вершины горы крыша императорского дворца казалась огромной золотой раковиной, волнистой по краям. Днем она горела желтым огнем, а ночью блестела в свете луны. Дворец утопал в цветущих садах. Внизу, у подножия холма, плескался океанский прибой.

Двое молодых людей – юноша и девушка – смотрели с горы вниз, на раскинувшуюся перед ними панораму Царских Садов. Справа, на отвесном обрыве виднелся острый длинный шпиль, сверкающий на солнце. Этот шпиль увенчивал Замок Братства, неприступную цитадель воинов.

– Площадь закрыта густой листвой, – разочарованно произнесла девушка. – Почти ничего не видно.

Лицо юноши покрылось ревнивым румянцем.

– Все еще тоскуешь по нем? – спросил он. – Где твоя гордость, Ния? Он даже не смотрит в твою сторону, тогда как ты...

– Замолчи! – девушка со слезами опустилась на скамейку, вырубленную прямо в скале. – Я хочу попрощаться с ним.

– Прощаться?

Она кивнула. Ее головка была красиво убрана коралловыми нитями, которые оттеняли ее волосы. Шелковая ткань повторяла нежнейшие изгибы и выпуклости стройной фигуры.

Все сольгерийцы имели совершенное телосложение. И только в последнее время среди них начали рождаться некрасивые, ущербные люди с различными отклонениями. Таких называли «зено» – «отмеченные судьбой» – и сторонились их. «Зено» становилось все больше. Они могли появиться в любом, даже самом знатном роду, и наложить на него печать позора. Ходили смутные слухи, будто некоторые Маги своими ритуалами научились привлекать рождение «зено». Слухи оставались слухами, но в людях поселился страх.

– Это гнев Богов, – говорили они. – Они наказывают нас. И это только начало.

В Сольгере почитали разных Богов, строили для них храмы и святилища, поклонялись им, устраивали в их честь представления и праздники, подносили щедрые дары. Культ Богов представлял собою скорее развлечение, чем религиозное служение. Прекрасные, пышно убранные храмы могли посещать все, кому захочется, как и участвовать в церемониях. Боги были гостеприимны, доброжелательны, покладисты и открыты. До некоторых пор.

Гораздо более значимым являлся культ Магии, где последователи разделились на два течения. Одни практиковали традиционные ритуалы, вторые занимались скрытыми видами чародейства, тщательно охраняя свои тайны. Они полностью отбросили какие-либо ограничения, руководствуясь только личными интересами, и постепенно начали представлять опасность. Контроль над подобной деятельностью изначально отсутствовал, и установить его теперь было невозможно. Маховик вседозволенности раскручивался и набирал обороты.

Третьим по значению культом был культ Воинов Солнца. Они являлись элитой Сольгера, равной по положению высшей знати. Их военачальник носил пожизненный титул Эрарха, а его единственный полномочный советник сидел на Совете Владык по правую руку от самого императора. Золотое кресло по левую руку от императора занимал Магистр Ольвиус. Никто не знал, сколько ему лет. Его одеяние из тончайшей ткани и драгоценных украшений скрывало тело полностью, до кончиков пальцев, а на лице блестела золотая маска. Никто не мог похвастаться, что хоть раз видел Ольвиуса воочию.

Ния и Тирх – молодые люди, которые любовались с горы обильным цветением Царских Садов, – принадлежали к аристократии. Они собирались пожениться этой весной. И вдруг... Ния заявила, что брачной церемонии не будет.

– Я не могу тебя обманывать, – сказала она Тирху, пряча полные слез глаза. – Не хочу лишать тебя счастья, которого ты заслуживаешь. Нам придется отказаться друг от друга.

– Но почему? – удивился тот. – Мы с тобой росли вместе, и ты никогда...

– Я могу быть тебе сестрой, Тирх, – перебила его Ния. – Но не возлюбленной. Только не это!

– В чем дело, Ния? Я всегда любил тебя... и ты отвечала мне взаимностью.

– Я заблуждалась, принимая дружескую привязанность за любовь.

– Но что изменилось?

– Все. Я не знала себя, Тирх, да и тебя тоже. Прости...

Ния осталась сиротой еще в младенчестве. Ее родители погибли, разбились о скалу. Легкое воздушное судно не выдержало напора ураганного ветра, отклонилось и врезалось в гранитный утес. До сих пор мягкий, устойчивый климат Сольгера не доставлял его обитателям неприятностей. Сокрушительные ураганы появились не так давно и случались все чаще. Их не могли предсказать с точностью.

Семья Тирха взяла Нию к себе, и девочка росла, окруженная заботой и любовью. Аристократы имели по одному, редко по двое детей. Продолжительность жизни была велика, а болезни и несчастные случаи сводились к минимуму.

Сложилось мнение, что Ния и Тирх поженятся, когда достигнут брачного возраста. Оба не возражали.

Нынешняя весна наступила раньше срока. Огромный остров, омываемый теплыми водами океана, расцвел и заблагоухал пряными сладкими ароматами. Птицы устраивали себе гнезда на скалах, а люди готовились к празднику Солнца.

Перед праздником Тирх, как и полагалось будущему новобрачному, подарил Нии диадему с крупным алмазом. Золотая диадема с «солнечным камнем» должна была украшать голову невесты во время церемонии обручения. Солнце становилось свидетелем обещания, даваемого друг другу юношами и девушками из самых знатных родов Сольгера.

Простолюдины могли сочетаться браком в любую погоду.

Ния долго любовалась игрой света «солнечного камня», обрамленного золотыми листьями. Лучи небесного светила давали ему жизнь, извлекая сияние и блеск из сердца камня, преломляя его в бесчисленных гранях.

- Она чудесна... - прошептала девушка, примеряя диадему.

По ее щекам потекли слезы.

- Почему ты плачешь? - удивился Тирх. - Твое украшение будет самым лучшим на празднике.

- Я не могу принять ее... - едва слышно выдохнула Ния. - Возьми...

Она сняла диадему и протянула жениху. От неожиданности и разочарования тот сделал шаг назад, неловко оступился и чуть не упал. Его щеки покрылись красными пятнами.

- Тебе не нравится? - пробормотал он, боясь услышать худшее.

Ния выдавила слабую улыбку.

- Она великолепна! Просто я... в моем сердце - другой мужчина. Я люблю тебя, Тирх. Очень люблю... как брата. Не как мужа. Между нами не может стоять ложь.

Тирх всегда представлял рядом с собой только Нию, ее одну. Она ни разу не давала понять, что он не желанен, не мил ей.

- Кто он? - спросил Тирх, бледнея.

- Энар...

Молодой человек потерял дар речи.

- Но... где ты могла его увидеть? - наконец вымолвил он, несколько приободрясь. - Лицо Энара закрыто от посторонних глаз маской Воина. Быть может, он вовсе не красив и даже стар... Как ты сумела полюбить его?

- Помнишь тот день... когда мы отправились на отдых в Бамбуковую Рощу?

Тирх кивнул. Они редко ездили в родовое имение Бамбуковая Роща, и каждая поездка запоминалась надолго.

– Дом был полон гостей, – продолжала девушка, волнуясь. – Я немного устала и пошла прогуляться в зарослях бамбука... Там прохладно, и так хорошо пахнет зеленью. Сквозь стебли виднелась задняя глухая стена дома. И вдруг... у потайного входа приземлился лейрис[4 - Лейрис – здесь название легкого воздушного судна.]. Я случайно заметила отличительный знак на его борту – золотой диск. Из лейриса прыгнул воин и скрылся в проеме стены.

– Ты... осмелилась следить за ним?

У Тирха в горле пересохло от возбуждения.

– Мое любопытство сыграло со мной злую шутку, – кивнула Ния. – Я прокралась через потайной ход в дом и... дальше ты сам можешь догадаться. Твой отец и гость о чем-то говорили. Они, по-видимому, прекрасно знали друг друга, и воин снял маску. Его лицо... – Ния судорожно вздохнула, ее губы дрожали. – Когда я его увидела... внутри меня как будто разорвалось что-то горячее... Я подумала, что это сердце и что я умираю. Но мне было все равно. Потом... намного позже я поняла, что испытала любовное желание, такое сильное и незнакомое... Прости, Тирх, но к тебе у меня ничего подобного не возникало... ни разу. С тех пор... я не перестаю думать о том мужчине ни днем, ни ночью. Я не могу забыть, не могу прогнать его из моего сердца. Думаю... это и есть любовь. Она совсем не похожа на ту детскую привязанность, которая существует между нами.

– Откуда ты узнала, что тем гостем был Энар? – хрипло спросил Тирх.

– Твой отец так называл его. Он оказывал ему необыкновенные почести, и было видно, что гость по рангу выше хозяина.

– Но воины не связывают свою жизнь с женщинами... Они дают бессрочный обет служения Солнцу. Энар никогда не будет твоим.

– Я знаю. – Ния опустила голову. – После того, что ты услышал, ты все еще хочешь вступить со мной в брак?

– Хочу. Мы забудем об этом разговоре и станем жить счастливо.

– Нет. Я не забуду. Я решила отказаться от обычной жизни и посвятить себя... – она потянулась к уху жениха и прошептала: – Ольвиус согласился взять меня в Храм Света младшей ученицей. Это большая честь. Я не ожидала...

Земля разверзлась у Тирха под ногами от ее слов.

– Откажись, Ния! Еще не поздно!

Ему показалось, что она умирает. И ему не останется ничего, кроме памяти.

Вот почему она попросила Тирха сопровождать ее на гору, откуда был виден Замок Братства. Чтобы попрощаться с Энаром! А он ни о чем не подозревал...

«Я не умею управлять лейрисом, – сказала Ния. – Отвезешь меня?»

И Тирх согласился. Разве он мог отказать ей? Он бы согласился на что угодно, лишь бы Ния была рядом.

Он с болью смотрел, как по ее щекам текут слезы разлуки.

Поднялся сильный ветер, он сорвал и унес покрывало с плеч девушки. Со стороны океана доносился нарастающий гул.

Тирх обеспокоенно оглянулся на лейрис, приткнувшийся за выступом скалы. Еще немного, и они не смогут взлететь.

– Нам пора, Ния, – сказал он, стараясь перекричать ветер. – Двигается ураган.

Она молча дала посадить себя в лейрис, покорная и безучастная. Ветер растрепал ее пепельные волосы.

Горизонт затянула зловещая стальная дымка, в глубине которой зарождались смерчи...

Глава 6

Москва. Наше время

Смерть может настичь каждого, – это Широков понял еще в юности, когда умерла Эльза. Никто ни от чего не застрахован. Люди живут в мире, в котором отсутствуют гарантии. Завтра непредсказуемо. Сегодня – это все, что на самом деле есть. В этом нужно жить, это нужно использовать. Другого просто не существует.

Павел перестал тешить себя иллюзиями, когда принес на могилу Эльзы огромную охапку белых лилий.

Он рисковал, участвовал в драках и перестрелках, безрассудно превышал скорость, гоня автомобиль по мокрым и обледенелым дорогам. На него, в конце концов, охотился киллер. В результате – он жив и невредим, а Эльза давным-давно лежит на кладбище, и он приносит ей цветы, которых она уже не увидит.

Что же такое жизнь и каковы ее законы? Сначала Широков потерял девушку, потом Зуброва, теперь Багирова. Почему?

Павел Иванович выпил, не закусывая, полбутылки коньяка и понял, что легче ему не становится. Возникло желание поехать к Тане, «поплакаться в жилетку», но он тут же отмахнулся от этой мысли. Таня не поймет ни одного слова из того, что он скажет. Она будет жалостливо кивать головой, поглаживать его по плечу и подкладывать ему еду в тарелку, думая о своем: о детях, о том, какое платье надеть на похороны, дабы выглядеть эффектно. Чтобы Широкову потом не сказали, какая «клуша» его любовница.

Ему не к кому пойти со своей невысказанной болью. Разве что на кладбище, к Зубру или к Эльзе. Они, по крайней мере, не будут притворяться. Черт!

Широков нажал кнопку вызова секретаря, и в дверь заглянул Глобов.

– Иди сюда, – подозвал его Павел.

Тот, опасливо поеживаясь, приблизился к столу. Странный блеск в глазах босса внушал ему страх. Он остановился, нервно переминаясь с ноги на ногу.

- Вот скажи мне, Глобов, что ты делаешь, когда тебе тошно?

Менеджер непонимающе уставился на Широкова.

- Ну... водку пью, - собравшись с мыслями, выдавил он.

- И как? Помогает?

- Не очень...

- Ладно, - махнул рукой Широков. - Иди...

Глобов молча вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Ему тоже было не по себе. Смерть Багирова что-то нарушила, сломала в привычном, отлаженном механизме руководства компанией. Вроде бы все шло как обычно, но...

Павел Иванович попытался сосредоточиться на бумагах, разложенных перед ним на столе. Напрасно. Он включил компьютер и тупо смотрел на лишние смысла буквы и цифры на экране, пока ему не надоело. Тогда он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Перед ним вдруг возникло лицо соседки с четвертого этажа, Лены Слуцкой.

Подчиняясь необъяснимому импульсу, он набрал ее домашний номер. Длинные гудки...

Широков вспомнил, что соседка уехала на дачу в Подлипки. Ему доложили. Это даже кстати. Он проедется, успокоится и... Додумывать мысль до конца Павел не стал. Позвонил своей «спасительнице» на сотовый. Сказал ей, что приедет, ничего не объясняя, не придумывая причины. Так проще. Зачем каждый шаг обставлять обоснованиями?..

- Вы куда, Павел Иванович? - вскочил Глобов с кожаного дивана в приемной.

- На кудыкину гору! - огрызнулся тот.

Его раздражало все – рослые охранники, набившиеся в офис, испуганный вид менеджера, растерянная улыбка секретаря. Черт бы побрал их всех! Не уберегли Багирова, не уберегут и его. Жизнь – это казино, где все делают ставки, а судьбу решает рулетка. Какой смысл чего-то бояться? Пропади все пропадом! Он волен ехать, куда хочет, делать, что хочет. К черту охрану...

Водитель «мерса» только вскинул голову, когда Широков рывкнул:

– Выходи!

Парень раздумал возражать, увидев холодное бешенство во взгляде босса, и поспешно выскочил из машины.

– Так вы же выпивши... – взмахнул он руками вслед автомобилю. – Спиртным за версту несет...

Широков рванул с места и в мгновение ока скрылся за поворотом. Скорость бросила ему в кровь порцию адреналина. За окнами огни вечернего города сливались в сплошную полосу.

Только выехав из Москвы, Павел чуть успокоился. Бешенство сменилось непривычным возбуждением. Когда он чувствовал что-либо подобное? Очень давно... еще в юности, летя на подержанных «Жигулях» к Эльзе, на промышленную окраину. Оказывается, его сердце не омертвело, как он думал.

Это открытие взволновало Широкова, заставило его съехать с трассы, остановиться и выйти из машины. В воздухе пахло травами. Солнце садилось, оставляя на небе тусклое малиновое зарево. Что-то давно забытое отозвалось в душе Широкова при взгляде на этот тлеющий летний закат, на темный, глухой лес вдали...

Он медленно вернулся к машине, сел и опустил голову на руль. Лед внутри него тронулся, пошел рваными, тяжелыми трещинами, заскрипел и загрохотал. Широков все эти годы чего-то ждал. Состояние ожидания измучило его.

Солнце зашло. Небо померкло, все вокруг погрузилось в теплые зеленоватые сумерки. В кустах гортанно закричала какая-то птица...

Генеральский дом Широков нашел без труда. Лена вышла и открыла ворота, чтобы он смог въехать во двор. У дома стояла огромная ель, освещенная луной.

– Как вы относитесь к незванным гостям? – спросил Широков.

Лена пожала плечами и натянуто улыбнулась.

– Еще не знаю...

– Багиров умер, – без всякого перехода сказал Широков. – Его убили.

Улыбка сползла с лица Лены, сменилась мертвенной бледностью.

– Ка-ак?

– Мне обязательно нужно с вами поговорить. Может быть, пойдём в дом?

– Да, конечно...

Она пошла впереди, поднялась на крыльцо. В просторной прихожей на полу лежали домотканые половики, в высоких вазах стояли сухие цветы бессмертника. Из комнаты в коридор падал желтый свет.

– У вас уютно, – сказал гость. – Люблю деревянные дома.

Лена испытывала восторг и ужас. Она бы никогда не поверила, что такое бывает...

Таймыр

Жилеву повезло, и он сумел добраться до Хатанги, а оттуда до Сындасско быстрее, чем рассчитывал.

Тундра, прибрежные скалы и озера кишели птицами. Ивняки и ольховники позеленели, реликтовые торфяники выделялись на равнине обширными бурыми пятнами. В низкогорьях Бырранга белели маленькие леднички. Хмурые пейзажи гор с заснеженными ущельями и пестрыми лугами на склонах, глубокие разломные озера, долины горных рек вызвали чувство неохватности этих суровых просторов.

Степан Игнатьевич любил наблюдать с вертолета скудную и вместе с тем величественную природу Таймыра. Он представлял себе, как по этим равнинам и холодным предгорьям разгуливали стада мамонтов, любовался изрезанной линией побережья. Окраины острова, несомненно, испытали погружение – именно поэтому так сложен рисунок берегов. А сие означает...

Далее ученый пускался в свои зачастую фантастические рассуждения, которыми ни с кем не рисковал делиться. Поэтому он начал вести дневник, подражая легендарным полярным исследователям Лаптевым.

В Сындасско его ждали. Небольшое рыболовное судно доставило сюда через Хатангский залив часть экспедиции, которая занималась раскопками. Антон Шелест заболел: простудился и слег. С ним пришлось остаться врачу и одному из палеонтологов. Остальные отправились вдоль побережья на север полуострова, возглавляемые Петром Седовым, опытным полярником. Он оказался дальним родственником того самого Седова, который организовал экспедицию к Северному полюсу на судне «Святой Фока».

Через три недели ребятам пришлось возвращаться в Сындасско из-за странного недомогания, поразившего в разной степени всех членов археологической партии. Недомогание выражалось в общей слабости, головокружении и полном отсутствии аппетита. Здоровые и сильные мужчины буквально валились с ног и

засыпали где попало. Вначале Седов списывал это на усталость после трудного перехода, но потом решил вернуться.

Археологи тащили с собой нехитрые приспособления для раскопок, поэтому вести масштабные исследования не представлялось возможным. Оставалось довольствоваться тем малым, что удалось обнаружить.

Еще до отъезда Жилева в Москву к ним наведалься старый оленевод-долган.

– Моя слышала, русский ищет старая стоянка, – с достоинством заявил он, усевшись на деревянную скамейку у печи. – Моя знает один такой место, может показать.

Удалось выяснить у старика, что речь идет об остатках неизвестного поселения на другой стороне Хатангского залива. Жилев знал, что на здешних реках ранее обнаруживали следы древних поселений человека эпохи неолита. На территории Таймыра ранее проживали самодийские племена, – предки нынешних долганов и ненцев. Первые русские появились предположительно в 16 веке. Это были торговые и служилые люди. Они строили зимовья, скупали пушнину. Поселок Мангазея у устья реки Таз превратился в укрепленный город.

Степан Игнатьевич тщательно изучал чудом сохранившиеся документы того времени, данные таможенных книг. А вдруг первые поселенцы наткнулись в этих труднодоступных районах на что-нибудь... этакое... диковинное и непонятное, да и отписали о своей находке царю-батюшке? Чем черт не шутит!

Но записи велись в основном деловые, как это видно было из донесения 1616 года в Москву Тобольского воеводы Куракина: «От Архангельска города в Мангазею во всея годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и хлебом, а поспевают морем в Карскую губу от города в две недели, а из Карские губы в Мутную реку вверх до волоку ходят пять день, и волоком идти и кочи таскать версты полторы, а переволокши с волока, спустится кочами в Зеленую реку и идти вниз четыре дни, а от Зеленые реки в реку Таз, а Тазом в Мангазею. А от Мутные реки всего до Мангазеи ходу две недели».

Кроме Мангазеи появились и другие поселения – Туруханск, Хантайка, Дудинка, Хатанга, Волочанка. Но не это интересовало Жилева. Местные жители на его

настойчивые расспросы разводили руками. Кроме костей мамонта, никто ничего необычного не находил. Так что визит старика-долгана вызвал в лагере археологов волнение. О поселении, которое упомянул оленевод, никто до сих пор не слышал. С учетом короткого таймырского лета решили срочно переправляться на другой берег Хатангского залива, благо подоспело рыболовное суденышко. Жилева отрядили в столицу за деньгами. Но сложилось все иначе.

Восемь человек под предводительством Седова высадились на пустынный берег.

– Старого долгана с собой брать не будем, – решил Седов. – Справимся сами. Я его подробно обо всем расспросил, найдем становище. Он говорит, что срубы до сих пор уцелели, только заросли кустами. Отыщем!

Шли три дня. Земля цвела, низкорослые полярные маки стелились под порывами ветра. По небу бежали сизые тучи. Осевший полуразваленный сруб заметили чудом, благодаря Сереже Линько, который собирал перья птиц. У него дома, в Москве, была огромная коллекция перьев и изделий из них.

– Смотрите! – крикнул он, показывая вперед. – Вон там летают пуночки. Наверное, у них близко гнезда. Пойдемте, проверим. Пуночки обожают гнездиться в заброшенных постройках.

Белогрудые пуночки – вестники арктической весны – действительно облюбовали для своих гнезд остатки человеческого жилья. Срубов было несколько: один большой и пара поменьше. Бревна почернели, покрылись мхом и лишайником, поросли цепким ольховником.

– Ну и что будем делать? – спросил Линько. – На остатки великой цивилизации атлантов эти бревна, извините, совершенно не похожи.

– Для начала поставим палатки, – сказал Седов. – И поужинаем. На сытый желудок лучше думается.

За едой рассуждали, кто и когда мог построить эти несколько изб. Версий было две: купцы или первые полярные исследователи. Может быть, сам Прончищев или Беринг зимовали тут, прятались от лютых арктических вьюг.

– Вроде бы маршруты Беринга здесь не пролегали, – возразил Седов. – Хотя... разве теперь разберешь, кто, куда и зачем ходил, что строил и почему потом бросил жилье?

– В смутные времена и забросили все, – предположил Гурин, молодой крепыш, заросший черной курчавой бородой по самые скулы.

Он занимался историей Сибири. Это увлечение и привело его в команду Жилева.

– Смутные времена? – не понял Линько.

– Начало семнадцатого века, – объяснил Гурин. – Польская интервенция, нашествие шведов... значительно ослабили военную мощь государства Российского. Возникла опасность захвата Сибири иностранцами. На Ямальском волоке установили стрелецкий кордон, откуда всех торгашей заворачивали обратно. «А буде которые русские люди пойдут морем, и немцы или какие иные иноземцы в Сибирь дорогу отыщут, и тем людям за их воровство и измену быти казненну злыми смертьми», – процитировал он. – Кому такое понравится? Заглохла торговля, не стало хлеба. Вот и пришло все в упадок, опустело.

Перед поездкой на Таймыр Гурин тщательно изучил все, что касалось ранней истории полуострова и прилегающих территорий. К сожалению, письменных материалов почти не сохранилось. Промысловики скрывали от воевод и приказных свои находки и сведения о новых землях. А письменные донесения воевод, которые раньше хранились в Сибирских архивах, погибли при пожарах или затерялись.

Собственно, первое описание морских берегов Сибири провела Великая Северная экспедиция, задуманная еще Петром I. К сожалению, ничего, касающегося Атлантиды, исследователи побережья не обнаружили. Вряд ли они вообще имели представление о чем-либо подобном.

После ужина, забравшись в палатку и спальный мешок, Гурин долго не мог уснуть. Найденные срубы, скорее всего – остатки бывшего торгового селения, какой-нибудь перевалочный пункт охотников или путешественников. Что здесь могут дать раскопки? В лучшем случае ребята откопают горшок для щей или печной ухват.

Утром их разбудил птичий гомон. Небо покрылось тучами, предвещавшими непогоду.

– Давайте исследуем развалины, – предложил Линько.

Наскоро позавтракали и принялись за работу.

При подборе людей, которые поедут на Таймыр, главными качествами считались энтузиазм и вера в существование цивилизации-призрака, с подачи Платона названной Атлантидой. Поэтому в команде Жилева оказались люди самых разных профессий: историк, биолог, полярники, любители экстремальных путешествий, два палеонтолога и даже представитель молодежной политической партии, борющейся за возрождение славянской культуры. Все они горели желанием сделать сенсационные открытия, но пока занимались рутинной работой. Раскопки велись большей частью по-дилетантски. Руководил археологическими исследованиями Гурин. Он хоть что-то понимал в этом непростом деле.

Остатки изб, состоящие из вросших в землю бревен срубов, покрытых мелкорослыми кустами и мхом, ни у кого не вызвали особого восторга.

– Копать будем здесь! – глубокомысленно заявил Гурин, тыча пальцем наугад между бревнами.

– Почему? – угораздило поинтересоваться любопытного Линько.

Гурин тут же прочитал ему короткую лекцию, сводившуюся к одному известному выражению: «Какое твое собачье дело?»

Линько все понял и принялся за работу. К обеду раскоп принес несколько находок – гнутую металлическую пряжку, железяку, похожую на обломок ножа, и что-то вроде проржавевшей дужки от бочонка.

– Богатый улов, – присвистнул молодой политик Ряшкин. – Исторический музей сдохнет от зависти!

Все понуро молчали, не глядя друг на друга.

– А чего вы ожидали? – взвился Гурин. – Это вам не гробница Тутанхамона! А всего-навсего купеческая изба или охотничье зимовье. Что вы тут собирались обнаружить, друзья мои? Надеюсь, не золотую корону императора Атлантиды?

Ряшкин хихикнул, на него зашикали. Обедали в полном молчании, изредка прерываемом хихиканьем молодежного лидера.

– Ты чего так развеселился, парень? – не выдержал Седов.

– Не плакать же! – ничуть не смутился молодой человек. – Пошли копать, братья по разуму.

После гречневой каши с тушенкой и горячего чая дело пошло веселее. Через пару часов из земли извлекли хорошо сохранившийся кожаный мешочек.

– Кисет, – предположил Линько, отряхивая находку. – Или пороховница.

Но оба варианта оказались ложными...

Глава 8

Подлипки

– У вас тут и камин есть? – удивился Широков.

– Папа настоял, – не слыша своего голоса, сказала Лена. – Хотел, чтобы в доме был живой огонь.

Визит «главного плохиша» казался ей сном. Сейчас она проснется, и ничего этого не будет – ни загородного дома, ни господина Широкова, ни ее самой.

Павел тоже чувствовал себя немного растерянным. И в самом деле, чего он приперся в эти Подлипки, в чужой дом, к чужой женщине? Она, поди, уже спать собралась ложиться, а тут незваный гость нагрязнул. Он не мог понять, что

привело его сюда. Нечистый попутал...

«Пожалуй, мне стоит извиниться и уйти», – подумал Широков и тут же представил себе, как глупо он будет выглядеть.

Здравствуйте, Лена! – До свидания, Лена! Приятно было проехаться, посмотреть на ваш милый домик. А теперь мне пора. Чао, бамбино! Помашите мне ручкой.

Она посчитает его полным идиотом. Нет уж. Приехал так приехал.

Широков вдруг ощутил внутренний жар и расстегнул пиджак, огляделся.

Деревянная дача внутри оказалась просторным благоустроенным домом с оштукатуренными стенами и паркетным полом. Из гостиной на второй этаж вела полукруглая лестница.

– Зачем же вы стены оштукатурили? – спросил Павел, чтобы прервать неловкое молчание. – Всю красоту погубили.

– На втором этаже у нас бревна, – улыбнулась Лена. – Хотите посмотреть?

У Широкова жар сменился легким ознобом, ему не хотелось подниматься по лестнице вверх.

– Можно я присяду? – спросил он.

– Конечно, – спохватилась Лена. – Я такая недотепа...

Она с облегчением вздохнула. От идеального порядка, наведенного перед отъездом генеральшей, не осталось и следа. В спальне на втором этаже были разбросаны вещи, а в кабинете и библиотеке – книги и журналы. Не самая подходящая обстановка для приема гостей. «Ты неряха и несносная девчонка! – прозвучал в ее ушах возмущенный голос матери. – Стыд и позор для нас с папой. Слуцкие – уважаемые люди. У них не может быть такой дурно воспитанной дочери!»

На этот раз Лене даже нечего было возразить. Она глянула на себя в зеркало и задохнулась от ужаса: материн японский халат не по размеру висел на ней мешком, а на прическу страшно смотреть. Разве так она видела в мечтах долгожданную встречу с Павлом? Она была настолько ошарашена его звонком, что впала в транс и забыла почистить перышки. Господи! Мумия Клеопатры, наверное, переворачивается в своем золотом саркофаге от такого безобразия!

– Давайте разведем огонь в камине, – предложил Широков.

Приятной беседы с хозяйкой дома не получалось. Ее явно шокировал поздний визит почти незнакомого мужчины. Небось в себя до сих пор не пришла. Он тоже хорош. Где его светская учтивость, галантные манеры? Он же всегда, независимо от обстоятельств, умел очаровывать женщин.

– Что? А... давайте, – вяло отозвалась Лена. – Вот дрова...

Она показала на березовые поленья, сложенные в углу на специальной подставке.

– Вы позволите?

Он снял пиджак и развязал узел галстука. Манжеты его безукоризненной рубашки украшали бриллиантовые запонки. «Подделка, наверное», – подумала Лена. Хорошо одетые мужчины приводили ее в замешательство. При них она чувствовала себя Золушкой, которую принц застал за чисткой печной сажи. Впрочем, не все ли равно?..

Пока Широков разжигал огонь, она сидела рядом в кресле, безучастная, погруженная в свои мысли. Интересно, зачем он приехал? Ему ведь доложили, что родители уехали, вот он и... Что «и»?

Дрова в камине занялись, затрещали от жара. Гость, довольный, уселся и посмотрел на Лену.

– Вы коньяк пьете? – спросил он.

– Пью. Только у меня нет... Впрочем, кажется, осталось немного водки... для компрессов. Нога еще побаливает. Принести?

– А как же компрессы? – усмехнулся Широков. – Подождите минуточку. Джинн сбегает за бутылкой.

Он сходил к машине и вернулся с большим пакетом, полным продуктов.

– Вы ужинали?

Лена покачала головой. Ей не хотелось есть. Но этикет требовал подняться, принести посуду, разложить еду и угостить гостя. Так она и поступила.

– Выпьем?

Широков налил коньяк в фужеры. Лена выпила все, не ощущая вкуса. Горло обожгло, она закашлялась.

– Я хотел, чтобы вы узнали о смерти Багирова от меня, – неожиданно сказал Павел.

У нее глаза от кашля наполнились слезами.

– Как это случилось? Почему?

Широков выпил и налил себе еще. Не углубляясь в детали, он рассказал о последних событиях, связанных с нападениями на его людей.

– Борис погиб из-за меня. Наверное, он напал на след, о чем-то догадывался. К сожалению, мой враг оказался более жестоким и хитрым, чем мой друг.

– Багиров был вашим другом?

Широков кивнул.

– Его ангел-хранитель сплеховал. В отличие от моего. – Он вздохнул. – Тогда во дворе вы спасли мне жизнь, Лена. Я ваш должник. Только вот не знаю, успею ли отблагодарить вас как следует. Наверное, мне не нужно было приезжать сюда. Своим присутствием я невольно подвергаю вас опасности...

– Нет! – возразила Лена. – Судьбу не обманешь.

Они пили коньяк и закусывали ананасом. Веселое пламя плясало в камине, освещая комнату. Дождливая ночь лила свои нескончаемые слезы, стуча в стекла приоткрытых окон.

– Вам нужно посоветоваться с очень мудрым человеком, – сказала Лена заплетающимся языком. Коньяк произвел свое действие, и она опьянела. – Никакая охрана не может защитить от судьбы.

– Вы верите в судьбу?

– Я подозреваю, что не все так просто... – и невпопад добавила: – Жизнь – это сплошные перевертыши. То, что мы считаем важным, на самом деле чепуха, а чепуха вдруг оказывается единственно важным.

Лена плохо владела своим телом, но мысли ее оставались ясными. Широков с возрастающим удивлением слушал ее.

– Знаете, убогое детство, полное лишений, заставило меня думать, что самое важное – достаток, деньги. Теперь они у меня есть, но я все еще продолжаю что-то искать, чего-то ждать. Странно, правда?

Он казался искренним и был очень красив. Черты его лица расплывались в багровом полумраке, закатанные рукава рубашки открывали сильные руки. На внутренней стороне правой руки, чуть выше локтевого сгиба, виднелась татуировка. В темноте нельзя было разобрать, что она изображает.

– Покажите, – попросила Лена, придвигаясь ближе. – Какая необычная штука. Это вилы?

– Трезубец, – усмехнулся Павел. – Родовой символ Рюриковичей.

Лена засмеялась. Коньяк придал ей храбрости.

– Ого! Вы считаете себя потомком Рюриков? Наглости вам не занимать.

– Я бандит, – без затей ответил Широков. – Вернее, был бандитом.

– И у вас есть бандитское прозвище?

– Что-то вроде того.

– Какое же?

– Варяг. Поэтому я сделал себе татуировку в виде трезубца. Скорее по наитию, чем осознанно. То, что это – герб-символ варяжских князей, я узнал гораздо позже. Получилось кстати.

Лена кивнула и задумалась. При близком знакомстве Широков понравился ей еще больше.

– Варяг... – шепотом повторила она. – Совсем не по-бандитски.

– Вообще-то меня еще в школе так прозвали. А насчет по-бандитски это звучит или нет... Варяги жили войной. Главным их промыслом были морские разбои. Они находились в вечной готовности к морским походам. Нередко варяги составляли ядро княжеских дружин, на их мечях держалась власть. Так что... бандитами их не назовешь... но и мирными землепашцами, согласитесь, тоже.

Гость налил себе коньяка и выпил. Он не пьянел, только на скулах выступали красные пятна.

– Что, не действует? – посочувствовала Лена. – Вам другим средством надо тоску лечить. Съездите в Сергиев-Посад, в лавру...

– На покаяние, что ли? – сверкнул глазами Широков. – Нет уж, простите. Этот фарс не по мне. Не приучен к подобному лицедейству.

– Тогда ступайте к отшельнику, в скит. Он вас каяться не заставит. А совет дельный даст, коли вы ему по сердцу придетесь.

Широков насторожился.

– В скит? – скривился он.

– Говорят, тот скит долго стоял пустой, еще до революции староверов из него то ли выгнали, то ли их перебили местные жители. Почудилось – в скиту злыми делами занимаются. Какими не знаю, врать не буду. Долго этот скит все за версту обходили. Потом... пришел откуда-то мужик седой и поселился там отшельником. Зовут его Харламий. Моя сотрудница, Гришина, мужа своего туда возила.

– Зачем?

– Болезнь у него взялась непонятная. Сохнет и сохнет человек без всякой причины. А Харламий его вылечил. Сказал, будто бы Гришин задолжал кому-то. Пусть долг вернет, тогда и начнет выздоравливать.

– В самом деле? – поднял брови Павел. – Только и всего?

– Ну... я подробностей не знаю. Муж Гришиной после разговора с Харлампием еще недельку поболел и стал поправляться. Уж раздал он долги или нет, Бог ведает... а по сей день жив и здоров.

Широков недоверчиво повел плечами.

– И где же такой скит? Может, адресок дадите?

– Нельзя... – прошептала Лена и оглянулась, как будто их могли подслушивать. – Я вам напишу. Блокнот есть?

Павел пошарил в кармане пиджака, нашел блокнот, раскрыл и подал ей ручку.

– Пишите...

Она старательно вывела «паркером» заветный адрес.

Широков, не ожидая того, слегка коснулся губами ее щеки. Коньяк все-таки оказался крепким...

Глава 9

Сольгер.

Двенадцать тысяч лет назад

Энару казалось, что он никак не может проснуться от тяжкого, нескончаемого сна, где его преследует тень. Это началось давно. Старая, как звезды, история.

Пришельцам пришлось бежать с Пеллакура, как когда-то они бежали из Города.

Файт не помог справиться с нападениями межгалактических пиратов, которые охотились за золотом, и противостояние переросло в военный конфликт. Ариания и Огр пали.

Дольше всех держался Пеллакур – главная резиденция Основателей. Они оградили себя непроницаемыми «экранами забвения» и отказались покидать планету. Тайная связь с ними поддерживалась Ольвиусом и Энаром: только они знали коды «экранов».

Для того чтобы существовал этот канал передачи информации, Кристаллы несколько земных лет накапливали энергию.

Их невозможно было спрятать, укрыть в глубоких подземельях по одной причине: без солнечного света они не продуцировали субстанцию для образования золота. Поэтому посвященные поступили по-другому. Кристаллы открыто находились на площади Храма Солнца. Их называли Глаза Трейи, невесты Солнца, и для всех это были культовые сооружения.

Об истинном предназначении Глаз Трейи знали только трое: Ольвиус, Эрарх и Энар. Они не делились этой тайной ни с кем. Даже император оставался в неведении. Правители менялись, а подлинные вожди Сольгера, владеющие способностью осознанно переходить из жизни в жизнь, оставались теми же. Они имели тайные имена, которые запрещалось произносить вслух, а лица скрывали под золотыми масками. Они были призраками, существующими в мире теней.

Призраки ведут особое существование. Они по-иному думают, чувствуют и поступают. Они – эхо забытого прошлого...

Замок Братства, где обитал Энар, представлял собой сооружение такое же непостижимое, как и его хозяин. Попасть внутрь можно было через парадную арку. Входящий сразу же оказывался в длинном коридоре со стенами из гладко отполированных панелей. Панели сливались с пространством коридора, так что бесчисленные повороты и ответвления становились невидимыми, и гостю оставалось полагаться на милость судьбы и собственную интуицию. Чистота помыслов была единственной гарантией его безопасности. В Замке было несколько входов и выходов, о которых знали только избранные. В подземных хранилищах располагался Арсенал – склад оружия. Маленькие изящные «раковины» из серебристого металла назывались цонами. Один цон мог уничтожить целый город. Столь сокрушительное оружие до сих пор не применялось. Его мощь являлась избыточной при том уровне развития, которого достигли здешние обитатели. Обычные «поглотители» – дрейзы – могли легко справиться с чем угодно. Сольгерийские оружейники изготавливали дрейзы на любой вкус – от миниатюрных, встроенных в перстни и наручные браслеты, до продолговатых подвесок, которые воины носили на поясе.

Запасы Арсенала приводили в восторг неопитов. Они благоговели перед силой Братства и постигали воинское ремесло с воодушевлением, давно не испытываемым ветеранами.

Энар давно охладел к оружию. Борьба и разрушение утомили его. Могущество достигается другими способами. А здесь о нем вообще смешно говорить, – невежественные аборигены трепещут и в панике разбегаются при появлении одного только лейриса. Наверное, летающее суденышко представляется им чем-то вроде «колесницы небесного Духа» или «огненной молнии». Бедняги!

Обитатели маленькой планеты, обогреваемой карликом-Солнцем, не представляли для него интереса. Сольгерийцы являлись для них расой

Богopodobных Существ, и их вполне устраивала эта роль.

- Энар...

В бесшумно отворившемся проеме показался молодой воин, начинающий обучение в Братстве. В обязанности новичка входило выполнение любого поручения старшего по положению в иерархии воинской касты.

Энар прикрыл лицо золотой маской и повернулся к вошедшему, который застыл в почтительной позе, не лишенной, впрочем, достоинства.

- Слушаю тебя, брат, - сказал Энар.

- Вам передали послание, - опустил глаза, произнес ученик. - Вот оно.

В Сольгере входили в моду «письма». Считалось изысканным изложить свои мысли в виде символов на тонкой серебристой пластинке и передать с посыльным адресату. Хотя давно вошли в применение кристаллы, которые умели хранить и накапливать информацию. Эти данные использовались по мере необходимости либо оставались не востребуемыми в случае, если в них не было нужды.

- Благодарю тебя, брат, - кивнул головой Энар, принимая послание.

Дверь за неопитом закрылась, и Энар остался один в зале. Он снял с пластинки печать. Даже не глядя на оттиск, Энар догадался, от кого послание. Золотой треугольник - символ сердечной привязанности - использовала только Рейя, дочь императора. Право на пользование символами превратилось в игру, которую вели представители высшей знати.

Энар усмехнулся и пробежал глазами содержание «письма». Оно было полно высокопарных выражений и пожеланий увидеть, наконец, Энара возглавляющим тайную экспедицию на материк, в Большие Горы. Там обитали существа, укрывающиеся в толще горных пород. Их называли «герееми» - подземными жителями. Они одни не покорились Сольгеру и оставались независимыми. Чудовищная толщина породы, под которой скрывались герееи, делала их недостижимыми. Применять в Больших Горах цоны было крайне опасно, так как

мощь этого оружия могла привести к необратимым процессам.

Рейя испытывала к Энару болезненную привязанность. Она желала видеть его завоевателем – непобедимым и безжалостным. Ей было недостаточно почти безграничного владычества. Слово «почти» приводило ее в недовольство.

– Большие разрушения начинаются с маленькой трещинки, – любила повторять она. – Всякое уродство берет начало с крошечного несовершенства.

– Совершенство недостижимо, божественная Рейя, – возражал Энар. – Неужели нельзя просто наслаждаться жизнью?

– Я начала забывать, что такое наслаждение... – томно прикрывая глаза, вздыхала императорская дочь. – Напомни мне, высокочтимый Энар. Это под силу сделать только тебе...

Глава 10

Москва. Наше время

Во время летних каникул Казаков занимался репетиторством. Он набирал нескольких учеников, которым предстояло сдавать математику, и готовил их к экзаменам. За пару месяцев Вадим Сергеевич зарабатывал больше, чем за весь год.

– Что ты все работаешь и работаешь? – ворчала мама. – Отдохни, съезди куда-нибудь. В Крым, например. Или на Волгу. Ты давно собирался.

– Некогда мне, – сердился Казаков. – Я еще зимой дал обещание, что подготовлю ребят к экзаменам.

– Тебе о здоровье думать надо.

– Прекрати! – взрывался Вадим Сергеевич. – Что ты из меня инвалида делаешь?

Ольга Антоновна не сдавалась.

- Пока ты еще не инвалид, - в ее голосе слышалась скрытая угроза. - Но непременно им станешь, если не научишься отдыхать. Посмотри, на кого ты стал похож! От тебя осталась половина...

Она плакала и уходила в свою комнату. Казаков некоторое время слушал ее надрывные рыдания, потом не выдерживал и шел мириться.

- Ну ладно... ладно, прости, мам. Я не хотел тебя обидеть.

Ольга Антоновна поднимала на сына заплаканные глаза.

- Ты же знаешь, у меня никого и ничего нет, кроме тебя, Вадик!

Они обнимались и долго утешали друг друга. После подобной сцены на пару дней воцарялось спокойствие, а потом... все повторялось. Вадим Сергеевич уже не мог определить, от чего он больше устал, - от работы, от притупившегося страха или от маминых слез. Он снова оказался на грани нервного срыва и позвонил Ангелине Львовне...

- Почему бы вам действительно не поехать куда-нибудь? - сказала она после сеанса. - Развеемся, сменить обстановку всегда полезно. Пожилые люди, даже самые близкие, бывают невыносимы. С одной стороны, их можно понять... Жизнь стала другой, период активной деятельности завершился, организм изношен. Беда стариков в том, что они теряют смысл существования. Им ничего не остается, как «поедать» окружающих.

- Я не могу уехать, - вздохнул Казаков.

- Почему?

- Не знаю. Меня что-то держит в Москве. И это вовсе не работа... Деньги тут тоже ни при чем. С финансами у меня не густо, но на поездку найдется.

– Что же тогда? – удивилась докторша. – Ученики? Перед ними можно извиниться, все объяснить. Долг перед матерью? Но ведь она сама советует вам отдохнуть.

– Если бы я знал! – с истерическими нотками в голосе воскликнул Вадим Сергеевич. – Я не знаю! И это пугает меня. Я... словно привязан. Недавно мне приснился сон... страшный сон. Как будто я просыпаюсь в своей комнате. Ночь... светит луна, а на фоне окна... силуэт мужчины. Он стоит, спиной ко мне, и...

Вадим Сергеевич посерел и закашлялся. Казалось, он вот-вот упадет со стула. Закревская привстала.

– Вам плохо? – обеспокоенно спросила она.

– М-можно воды? – прохрипел Казаков. – У меня в горле пересохло.

– Сейчас...

Ангелина Львовна налила в стакан минералки и подала ему. Он с трудом сделал несколько глотков.

– Вы рассказывали сон... – напомнила она, когда кашель утих и лицо пациента обрело нормальный цвет.

– Да... я очень испугался тогда, во сне... просто прирос к дивану, не в силах пошевелить пальцем. Тот... человек у окна сказал... «Ты нам нужен!» Да... так и сказал: «Ты нам нужен. Не вздумай никуда отлучиться!» Он таким тоном это произнес... таким... ужасным голосом... что у меня волосы на голове зашевелились...

Вадим Сергеевич допил воду и поставил стакан на стол.

– Это был... страшный человек. Он не поворачивался ко мне лицом, потому... потому что... если бы он повернулся, я бы умер. Точно. Я это знаю, и он это знал. Понимаете? Он это знал! – голос Казакова сорвался. – Он это знал! А что... если в следующий раз он... повернется?..

Собственное предположение повергло пациента в шок. Он застыл с приоткрытым ртом и остекленевшими глазами. Ангелине Львовне стоило немалого труда привести его в чувство.

Казаков вышел из ее кабинета, не испытывая обычного после сеанса облегчения. Наоборот, его нервы взвинтились до предела.

В метро его окружили люди. Они втискивались в переполненные вагоны, дышали друг другу в затылок, вяло огрызались, пробирались к выходу. Перед эскалатором образовалась настоящая толкучка. Наконец, Казаков добрался до ребристых ступенек и медленно поехал вверх. Сзади кто-то закричал. Люди начали оглядываться. Пожилая женщина с сумками в обеих руках не удержалась и упала. Но не это привлекло внимание Вадима Сергеевича. В толпе у эскалатора мелькнуло лицо... Лены. Или ему показалось? Холодный пот прошиб завуча.

– Господи, – затравленно оглядываясь, прошептал он. – Господи! Помоги мне, Господи!

Его тянуло повернуться назад и проверить свою догадку. А что, если там... действительно она, Лена? Нет, не может быть. Она уже успокоилась, перестала его преследовать. Почему вдруг опять?

Казаков поднялся вверх и, влекомый толпой, вышел через вестибюль к дверям. Оказавшись на улице, он судорожно задышал. Теплый воздух не освежал. Здание, у которого остановился Вадим Сергеевич, ремонтировалось. Строительные леса тянулись до самой крыши, вниз сыпались обломки кирпичей и штукатурки.

– Ты че рот раззявил? – заорал с лесов на Казакова молодой парень в каске и рабочем комбинезоне. – Ограждения не видишь, мудака? Получишь по башке кирпичом, отвечай потом за тебя!

Парень зло сплюнул и выругался. Вадим Сергеевич попятился, наткнулся на оградительный трос и чудом удержался на ногах. И правда, как он попал в опасную зону? Перешагнул через ограждение и не заметил?

– Вали отсюда, дядя! – теряя терпение, заорал парень.

Казаков повернулся и неуклюже перелез через трос. На брюках осталась пыльно-известковая полоса. Он начал отряхиваться и тут... боковым зрением увидел Лену. Она вышла из метро, остановилась и наблюдала, как Вадим Сергеевич возится с брюками. Вернее, он так решил. На самом деле Лена была в темных очках, и видеть направление ее взгляда Казаков не мог.

Он выпрямился и заставил себя махнуть ей рукой. Лена продолжала стоять, как стояла. На ней было длинное свободно спадающее серое платье и легкий шарф на голове. Вывалившаяся из метро толпа на мгновение скрыла ее от Казакова, а когда люди схлынули, Лены на прежнем месте не оказалось.

«Я трус и паникер, – принялся стыдить себя Вадим Сергеевич. – У меня развивается мания преследования. Допустим, это в самом деле была Лена, хотя я мог и обознаться. В очках и шарфе любая женщина покажется мне Леной, потому что я боюсь ее. Впрочем, она могла случайно ехать в метро по своим делам. Ей давно наплевать на меня».

Казаков шел по улице, борясь с желанием оглянуться. По его спине катился пот, руки и ноги дрожали. Мучительная тревога сменилась дурнотой. Только бы добраться до квартиры. Только бы...

Уже входя в подъезд, он не выдержал и оглянулся. В десяти метрах за ним шла Лена, прямая и напряженная. Ее глаза через очки пригвоздили Казакова к месту. Он опомнился, рванулся в спасительную дверь, побежал по лестнице.

– Что с тобой? – испугалась Ольга Антоновна, когда он, едва не сбив ее с ног, ворвался в квартиру.

– Закрой дверь! – вне себя от ужаса, завопил Казаков.

Она поспешно захлопнула дверь и бросилась к нему.

– Что случилось?

Вадим Сергеевич ничего не ответил. Он отдышался, выпил воды и присел на диван в гостиной.

– Что случилось? – повторила Ольга Антоновна.

– Мама! Оставь меня в покое! – огрызнулся он. – Пойди, займись чем-нибудь.

Глаза матери вмиг наполнились слезами, но Казакову было наплевать. Он поколебался и набрал номер Калитина. К счастью, тот сразу взял трубку.

– Это вы! – обрадовался Казаков. – Как я рад вас слышать!

– Что-то произошло? – догадался Марат.

– Д-да... Лена Слуцкая! Моя б-бывшая невеста. Она опять... преследует меня. Сегодня в метро она... следила за мной.

– Вы не ошибаетесь?

Марат знал, что Слуцкая временно живет в Подлипках, на даче. Вряд ли она станет возвращаться в Москву с целью досадить Казакову. Зачем ей это нужно?

– Я не ошибаюсь! – потерял самообладание Вадим Сергеевич. – Помогите мне, умоляю! Она... убьет меня! Убьет! Вы обещали...

Глава 11

Таймыр

В доме было натоплено, но Седова знобило. Все восемь человек, вернувшихся в поселок, еще не оправились от странного недомогания. Им стало полегче, но и только. Приезду Жилева искренне обрадовались.

– Думал, не дождусь тебя, Степа, – похлопывая его по плечу, говорил Седов. – Такая хворь навалилась... прямо эпидемия. Ряшкин и тот приуныл.

– А что доктор говорит?

Степан Игнатьевич посмотрел на врача. Тот развел руками.

- Переутомление, простуда... Последствия переохлаждения.

- Ты сам в это веришь? – разозлился Седов. – Здесь не кисейные барышни собрались. У нас с Шелестом две полярных экспедиции за плечами.

- Шелест выздоравливает, – возразил врач.

- Вот именно. Потому что он с нами на это чертово становище не ходил. И вы с Костей здоровы. А остальные хандрят.

Константин, ученый-палеонтолог, который оставался в поселке вместе с доктором и больным Шелестом, угрюмо молчал.

- Хватит тебе, док, тень на плетень наводить, – подал голос неугомонный Антон. – Говори, как есть. Степан Игнатьич должен быть в курсе дела.

Доктора Дмитрия Бологуева в команду привел Седов. Полярные зимовки для Бологуева были не в новинку, и опыт позволял ему сохранять спокойствие в любых обстоятельствах. Тем более ничего страшного не случилось. Ну, приболели ребята, – слабость, плохой аппетит, озноб, – не смертельно. Отдохнут с недельку и очухаются.

- Я бы не паниковал, – сказал доктор. – Арктика и не такие сюрпризы преподносит. Не стоит все приписывать аномальным явлениям. Думаю, становище тут ни при чем. И эта штука, которую вы откопали, тоже.

Жилеву не терпелось увидеть долгожданную находку.

- Не томи! – глядя на Седова, взмолился он. – Покажи, что вы нашли. Мне каждую ночь кошмары снятся, будто я приезжаю, а ничего нет. Ты меня встречаешь на пристани и говоришь: «Ошибочка, мол, вышла, Степан. Зря ты из Москвы сорвался, дела не доделал. Извини...»

Седов вздохнул тяжело, поднялся.

– Идем, – сказал. – Я эту... вещицу... в сараюшке припрятал. Не хотел в доме держать.

– Да ты что?! – возмутился Жилев. – Такую ценность...

– Правильно! – вмешался Линько. – Мало ли что? Вы, Степан Игнатич, не торопитесь. Сначала разобраться нужно.

Жилев махнул рукой.

– Ладно, пошли разбираться...

В сараюшке стояли канистры с бензином, брикеты сухого топлива для походной печки, мешки с провизией и запасной одеждой.

– Где? – дрожа от возбуждения, спросил Жилев.

– погоди, Степа... Держи фонарик.

Седов, согнувшись, долго возился в углу между мешками. Наконец, он выпрямился.

– Есть. Вот оно.

– Давай!

Жилев зажал в руке кожаный мешочек, выскочил за дверь. С залива дул ветер, приносил запах соли и мокрых бревен. Тусклое северное солнце белым пятном проступало за тучами.

– Ты это... осторожно, Степа, – предупредил Седов.

Но ученый его не слушал. Он раскрыл мешочек и вытащил на свет кристаллическую пирамидку. Внутри нее была то ли полость, то ли каким-то образом встроенная вторая, меньшая пирамидка, перевернутая основанием вверх. Такое сочетание форм создавало странную игру света...

– Что это? – растерянно спросил Жилев, не в силах оторвать взгляд от кристалла.

– Не знаю, – глухо ответил Седов. – Никогда ничего подобного не видел. Откуда такая вещь на заброшенном становище? Уж я и так, и этак прикидывал. Решил со старым оленеводом поговорить. Может, еще что расскажет?

– С долганом?

– С ним. Никто, кроме него, про то заброшенное зимовье не знал.

Жилев, как зачарованный, рассматривал пирамидку. Поднял полные огня глаза на товарища, спросил:

– Ты возраст сруба примерно определил? Ну... как давно избы строились?

– Гурин кумекал, – уворачиваясь от ветра, ответил тот. – Он специалист. Говорит, приблизительно 15–16-й век. Гурин и план поселения сделал, и чертеж раскопов. Мы все засняли на фото, образцов набрали. Пусть теперь в Москве разбираются, что к чему.

– Правильно... – кивнул Жилев. – А почему же вы, ребята, дальше копать не стали? Возможно, самое интересное в земле осталось?

Седов поднял воротник куртки, сердито засопел. Он ждал этих упреков и приготовился. Сказал, глядя в сторону залива:

– Недоброе стало происходить в лагере. Ребята валились с ног, перестали спать. Я сам едва держался. Решили возвращаться. Нехорошее место. И находка странная. Ну, что это, по-твоему? Деталь какого-нибудь прибора? Ювелирное украшение? Атрибут долганского шамана?

– Не похоже.

– Вот и я говорю: не похоже. Что же тогда?

– След Атлантиды! – Жилев поднес пирамидку к лицу товарища. – Видишь? Это что-то вроде солнечной батареи. Она была совершенно прозрачная. А теперь?

Седов присмотрелся. Внутри пирамидки, на стыке граней, образовалось золотистое свечение, похожее на электрические разряды.

– Просто игра света, – буркнул он. – Хитрая вещица. Может, ее недавно кто-то потерял? Кожа не истлела совсем. Мог кто-то специально закопать, чтобы таких дураков, как мы, ввести в заблуждение.

– На Таймыре? В тундре?

Седов все понимал, но...

– Над нами будут смеяться, – нахмурившись, сказал он. – И спросят, каким боком Атлантида связана с заброшенным охотничьим зимовьем? Ты же не станешь утверждать, что таинственные атланты жили в избах и охотились на песцов?

Степан Игнатьевич спрятал находку в мешочек и засунул в карман.

– Остается предположить, что некий заблудившийся в тундре атлант выменял кристалл на еду и пушнину. Охотники не знали, что с этойкой диковиной делать, и закопали ее под полом от греха подальше. Правдоподобно?

– Вот видишь, тебе самому смешно! – встрепенулся Седов. – А что скажут в Москве? Проще простого обвинить нас в фальсификации и жажде дешевых сенсаций. Бульварная пресса задохнется от восторга. Наши собратья-ученые закидают нас тухлыми яйцами. Об общественности я уже молчу.

– Что ты предлагаешь?

– Сохранить находку в тайне... до лучших времен. Вдруг еще что-то удастся раскопать? Или... в общем, не знаю. Но выставять себя в качестве обманщиков совсем уж не хочется.

– Да-а...

Жилев понимал, что в словах товарища есть доля истины. С другой стороны, возвращаться с Таймыра ни с чем... Да и ребятам рот не заткнешь. Сведения о находке так или иначе просочатся в прессу. Как члены экспедиции будут выглядеть в глазах спонсоров? Мошенниками, истратившими чужие средства на собственные нужды?

- Ерунда какая-то получается, - вздохнул Седов. - Вроде радоваться надо, а тут... Еще эта болезнь! Хорошо, если Бологуев справится. Скажу тебе честно, Степа, нехорошо у меня на душе. Муторно.

- Понимаю... А что старик-долган рассказал? Ты с ним встречался?

- У него внучка родилась, - сказал Седов. - Пообещал, что как только отпразднуют, он сразу придет.

- Скоро?

Тот пожал плечами.

- Дочь оленевода с мужем живет далеко...

- Будем ждать.

Старик-долган явился на следующий день вечером. Бологуев, который курил трубку, приготовил для него табак. Оленевод долго и шумно отдувался, устраивался у печки, нюхал табак, хвалил.

- Что это за стоянка, на которую мы ходили? - спросил Седов. - Что люди говорят?

- Моя все помнит, - заявил долган, набивая свою трубку. - Моя расскажет. Про этот зимовка говорил еще моя дед. А деду - его дед. Они туда на песца ходил, меха промышлял.

Старик закурил и замолчал. Жилев ерзал от нетерпения, но подгонять гостя не решался. Долганы вели размеренный, неторопливый образ жизни и терпеть не могли спешки.

– Дед говорил, про зимовка худой слухи ходят, – наконец, продолжил долган. – Нехорошо там. Олень гонять нельзя, дом ставить нельзя.

– А почему?

– Худой место.

Старик пускал дым и молчал. Его штаны из оленьей кожи протерлись, а куртка была новая, красиво расшитая кусочками меха и разноцветными тесемками.

– Дочь подарила, – шепнул Жилеву историк, который немного понимал по-долгански и успел перемолвиться с оленеводом несколькими словами.

Степан Игнатьевич решил, что старику трудно говорить на русском языке.

– Спроси у него, почему зимовку считают худым местом, – попросил он Гурина.

Старик по-долгански принялся объяснять. Он говорил долго, попыхивая дымом и подкрепляя слова скупыми жестами.

– В общем, картина такая, – сказал Гурин, когда оленевод закончил. – В их семье худая молва о заброшенном становище передается из поколения в поколение. Говорят, избы те срубили пришлые люди, вроде бы беглые. Занимались охотой. Словом, все было хорошо. Один из них даже женился, взял себе девушку из местных. А потом... решили они зачем-то яму выкопать. Девушка к родичам убежала и вскоре померла. Но прежде рассказала, что муж ее в земле нашел «глаз духа тундры» и, вместо того чтобы вернуть его, взял себе. Дух разгневался и насылал на них напасть за напастью. Удача в охоте пропала, болезни всякие взялись одолевать. Беглые умерли, а селиться в пустом зимовье никто не стал. Боялись люди, обходили то место стороной. С тех пор так и повелось. Дурная слава прилепилась намертво. Долганы с того места ушли, чтобы не тревожить злопамятного духа.

– Скоро и моя помрет, – кивая головой, говорил оленевод. – Тогда совсем никто не знай. Духа тундры тревожить нельзя. Молодые слушать не хочет, никто слушать не хочет. Моя надоело. Моя скоро уходить...

Глава 12

Москва

Обязанности Багирова в компании «Сибирь-нефть» временно перешли к его помощнику. Недостаток опыта заставлял того нервничать и совершать массу лишних движений. Служба безопасности держалась на порядке, установленном прежним начальником, но порядок этот требовал ежедневных, порой ежечасных корректив. Помощник чувствовал себя матросом, которого вдруг призвали на капитанский мостик и заставили управлять кораблем. Он терялся и действовал наугад. Это вызывало недовольство подчиненных.

– Все! С меня хватит! – выпалил он, врываясь утром в кабинет Широкова. – Не справляюсь я, Павел Иванович. Не по Сеньке шапка! Ищите должную замену Багирову, пока вся служба не развалилась.

Он вытер со лба обильный пот и без приглашения уселся в кресло, забыв о субординации.

Широков тоже понимал, что парень не сможет достойно заменить Багирова. Он подыскивал достойную кандидатуру, но пока безрезультатно. Побеседовав с очередным претендентом, Павел Иванович произносил одну и ту же фразу: «Спасибо, я вам позвоню...»

И не звонил. Доверительные, почти дружеские отношения, сложившиеся у него с Багириным, побуждали его искать похожего человека.

– Поговорите с Калитиным, – предложил Глобов. – Вряд ли он сам возьмется, но хоть человека подходящего предложит. У него в «Барсе» неплохие ребята работали. И Багиров его знал.

– Что еще за «Барс»? Охранная фирма?

– Бывшее сыскное агентство. Классные спецы, настоящие профи. Калитин почему-то эту деятельность забросил, занимается другим бизнесом.

– Говоришь, Багиров его знал?

– Он посоветовал бы вам обратиться именно к Калитину... если б мог.

Широков подумал и позвонил Марату. Они договорились о встрече. К сожалению, от должности начальника службы безопасности Калитин отказался наотрез.

– У меня теперь иные интересы, – заявил он. – Обещаю помогать вам время от времени.

– Советами? – усмехнулся Широков.

– И советами тоже. Кстати, я могу предложить вам человека на эту должность. Отличного специалиста. Его фамилия Демин. Раньше он работал в моем агентстве «Барс». Не приходилось слышать?

– Приходилось.

Павел Иванович был немногословен. Смерть Багирова нарушила привычный ход вещей, выбила его из колеи. Он не стал ничего уточнять, просто записал телефон.

– Спасибо, господин Калитин.

– Могу я поговорить с Глобовым? – спросил Марат. – Борис оставил для меня кое-какие бумаги. Я хочу изучить всю информацию.

– Что ж, изучайте, – кивнул Широков. – Багиров доверял вам. Очевидно, и мне придется.

Они попрощались холодно, как два деловых человека, не удовлетворенные разговором. Широков был огорчен отказом, Калитин же не смог до конца понять Павла Ивановича. Тот представлял собой накрепко замкнутый ларчик, – элегантный, облаченный в модный костюм, по-светски любезный. Он не раскрылся перед собеседником, не обнаружил ни своего беспокойства, ни гложащей душу тоски. В его глазах читалась затаенная смесь боли и ожидания.

Что-то в облике бизнесмена, в его манерах задело Марата. Широков был намного глубже, чем хотел казаться...

Господин Калитин вел машину по запруженному транспортом проспекту. Он договорился о встрече с вдовой Багирова и не хотел опаздывать.

Женщина долго не открывала, разглядывая посетителя в глазок. Наконец, защелкали замки.

– Это ты, Марат? – заплакала она, отступая в глубь прихожей, оклеенной красными обоями. – Я не узнала.

Она была убита горем и напугана. Каждый знакомый напоминал ей об утрате. Они с мужем не испытывали страстной любви, но были очень привязаны друг к другу. Детей не родили, и теперь Лида осталась совсем одна.

– Боря как чувствовал, – всхлипывала она, сидя на кухне напротив Марата и машинально помешивая ложечкой чай. – Не хочу, говорил, после себя сирот оставлять.

– Может быть, съездишь в Одессу, к маме? – предложил он. – Денег я дам.

– Не надо... Боря меня обеспечил. Он как чувствовал... – снова повторила Лида. – А в Одессу я не поеду. Не могу... Разве что потом, позже. Когда успокоюсь немного.

– Тебе нужна помощь?

Она подняла на Марата красные, опухшие глаза. Ее подбородок мелко дрожал.

– Маратик... – прошептала она и нервно оглянулась. – Я... боюсь чего-то. После похорон в себя прийти не могу. Особенно по ночам жутко. Я телевизор не выключаю до утра и... все равно... Кажется, будто по квартире кто-то ходит.

– Думаешь, Борис?

– Не знаю. Я ведь в церковь его не возила отпевать. Вдруг надо было, а? Теперь вот его душа мается, покоя себе не находит...

– Борис не был верующим, – возразил Марат. – В церковь при жизни не ходил.

– Так это при жизни. А после смерти... кто его знает, как там?

Гость не ответил. Он думал, как бы заговорить о бумагах, не оскорбляя горя вдовы. Подумает, что зашел только из-за этого, обидится.

– Вчера я чуть не умерла от страха, – возбужденно зашептала Лида, наклоняясь через стол к Марату. – Лежу на диване, пытаюсь заснуть... вдруг, чую, дверь скрипнула. Я вскочила на ноги, гляжу... по комнате черная тень скользит! Я обомлела... дыхание перехватило, сердце колотится... Тень тоже замерла, как будто присматривается или прислушивается. Потом – шмыг к балкону... А у меня ноги к полу приросли от страха. Так и стояла... ни жива ни мертва. Думаю, сейчас тень с балкона-то выйдет и убьет меня. Хочу крикнуть и не могу. Рот сцепило, тело онемело. Едва очнулась!

– А тень?

– Она... так и не вернулась. Может, сиганула вниз прямо с балкона? А может, у меня нервное помешательство. Вот и чудятся всякие ужасы.

– Покажи мне балкон, – попросил Марат.

Вдова вздрогнула и бросила на него безумный взгляд.

– Ты что, думаешь... А почему убили Борю? – спросила она. – Я так и не знаю.

– Работа у него была такая.

– Иди вперед, – прошептала Лида, вставая. – Я боюсь!

В гостиной стоял душный полумрак, пахнувший лекарствами. Плотные задернутые шторы почти не пропускали свет. Вдова прерывисто дышала Марату в затылок.

– Тебе, наверное, показалось, – нарочно громко сказал он, направляясь к балконной двери.

Лида не пошла за ним, осталась у дивана. Молча смотрела, как он открыл дверь и вышел на балкон. Там валялись в беспорядке вещи – пустые горшки от вазонов, табуретка, пара картонных коробок. От стены были оторваны две пластиковые панели, они валялись тут же, на полу. Марат сразу догадался, что бумаги были спрятаны именно за этими панелями. Он шагнул к перилам и посмотрел вниз. В принципе тренированный человек легко мог спуститься с балкона на улицу.

– Ну, что? – крикнула из комнаты Лида.

– Все в порядке! – отозвался Калитин.

Он вернулся в гостиную. Не стоило спрашивать вдову о записке Багирова и бумагах.

– Тебе нужно ехать в Одессу, к матери, – не терпящим возражений тоном сказал он Лиде. – Собирайся, я отвезу тебя на вокзал...

Глава 13

Сольгер.

Двенадцать тысяч лет назад

Тирх боролся со своим отчаянием.

Ния, ее лицо, ее печальные глаза неотступно преследовали его. Лихорадка сжигала его тело, а мысли причиняли почти физические страдания. Сон превратился в мучительную полудрему. Ния уходила от него по длинному зеркальному коридору, растворялась в тумане...

«Оглянись! Оглянись же! Во имя Богов!» – шептал пересохшими губами Тирх. Но девушка молча удалялась, покидала его навсегда.

– Ния!..

Он просыпался от собственного крика, убеждаясь, что он все-таки спал. Только бы никто из домашних не услышал! Слуги не в счет. Они не посмеют приставать с расспросами.

Тирх вставал с измятой постели и выходил на террасу, продуваемую ветром с океана. Соленый воздух охлаждал его, шум прибоя успокаивал. Не надолго. Как раз до того момента, когда семья собиралась на утреннюю трапезу. Нии среди них не было. Уже несколько дней...

Он осторожно разузнал у отца, какое решение она приняла.

– Ния еще колеблется, – сказал тот, не глядя на сына. – Посвящение в жрицы Храма Света не самый достойный выбор для нее. Она собирается стать ученицей Ольвиуса...

– Но почему?

– Ния свободна, – вздохнул глава семьи. – Я мечтал о том, чтобы вы продолжили наш род, но Боги рассудили по-другому. Им виднее.

– Какие Боги? – простонал Тирх, лишаясь последней надежды. – Не ты ли внушал мне, что Боги – такие же существа, как и мы, только более могущественные? Мы не должны склонять головы перед любым их повелением. Не отпускай Нию в Храм... прошу тебя! Она еще слишком молода, ее желание изменится... а пути назад уже не будет. Ты не хуже меня знаешь законы Магов. Посвященный не может жить среди обычных людей. Он дает безрассудный, коварный обет, который связывает его по рукам и ногам. Зачем ей все это? Она... рождена для счастья, любви...

– Ния вольна сама распоряжаться своей судьбой, – возразил отец. – Видимо, ты не сумел увлечь ее. Или...

– Что или? – встрепенулся Тирх. Может быть, не все потеряно?

– Или... она уже давала обет Магов. Когда-то давно. Так давно, что сама забыла об этом. Но... ни одно обещание не остается без последствий. Разве я не учил вас этому?

«Не идите на поводу у ложных соблазнов, – любил повторять отец. – Не давайте поспешных обещаний и не кидайтесь на призывы о помощи. Вас окружает ложь, а истина лежит внутри вашего сердца. Прислушивайтесь к себе!»

Тирх почитал отца, но сейчас, подавленный отчаянием, не мог собраться с мыслями.

– Да, ты говорил что-то такое... – пробормотал он. – Но как это поможет мне вернуть Нию?

Отец промолчал. Он сам был в недоумении. Казавшиеся незыблемыми устои пошатнулись, предполагаемый брак Тирха и Нии расстроился. А ведь сын – единственный наследник их некогда многочисленного рода. Что, если он так и не сможет выбрать себе невесту по душе?

Тирх не думал о продолжении рода. Он грезил о Ние, бесконечно далекой от него... и скрипел зубами. Идея о том, чтобы выкрасть свою избранницу и спрятать ее далеко в горах, на материке, снизошла в его воспаленную голову и прочно утвердилась. Ния не ведает, что творит. Потом она сама будет благодарить его за то, что он вовремя удержал ее от рокового шага.

Эта идея завладела им, затмила рассудок. Тирх не думал об опасности, о безумии затеи, которую он собирался предпринять. Страсть оказалась сильнее...

Через три дня, безлунной ночью, молодой аристократ пробрался в подземный лабиринт, расположенный глубоко под Золотым Городом и его окрестностями.

Один из тайных входов был как раз в их загородной усадьбе Бамбуковая Роща. Никто, кроме отца и Тирха, не знал об этом. Подземные лабиринты тщательно охранялись. Только высшие сановники и приближенные к императору люди

могли пользоваться этими сложными многоярусными сооружениями.

Знатный юноша воспользовался символом, заложенным в системе защиты входа, и оказался в лабиринте. Как только он ступил на каменные плиты пола, вверху зажегся свет. Множество рукавов и коридоров вели в тупики и ловушки.

Второй после поворота коридор вел в Замок Братства, третий после второго поворота вел в резиденцию императорской семьи, седьмой после третьего поворота вел в тайное святилище Храма Света...

Если смотреть на Золотой Город с высоты полета лейриса, то подземные помещения Храма располагались как раз под пирамидами – Глазами Трейи. Находиться там было крайне опасно. Тирх не был уверен, что он все запомнил правильно, но никакие сомнения уже не могли остановить его.

Он боялся пропустить нужный поворот, отмеченный пластиной в виде черепашьего панциря.

– Хвала Богам! – прошептал юноша, ныряя под полукруглую арку свода. – Я не ошибся!

Коридор расширился, на его стенах появились Знаки Солнца – маленькие золотые диски, видневшиеся в углублениях между каменными блоками. Тирх ощутил головокружение и дрожь в ногах, но упорно продолжал идти вперед. Вскоре он оказался перед зеркальной дверью и остановился в растерянности. Дверь имела несколько граней, свободно поворачивающихся вокруг своей оси.

У юноши в глазах все двоилось, троилось и расплывалось. Зеркальные грани слепили его. Над дверью золотая рыба подмигивала ему круглым алмазным оком. Ее хвост превратился в энергетический веер, отбрасывая Тирха от двери обратно в глубь коридора. Он изо всех сил старался устоять на ногах.

– Они не должны соединиться... – проговорила рыба.

Зеркальные грани тут же сомкнулись, и между ними образовалась светящаяся щель.

- Иди сюда, Тирх... - шептала рыба. - Иди сюда... Она здесь... Она ждет тебя...

Из сияющей щели выплыло облако, которое превратилось в Нию. Девушка протягивала к жениху руки. Ее жест был полон мольбы.

- Иди сюда, Тирх...

Юноша уже не различал, кто зовет его, Ния или странная рыба...

Он пошатнулся и двинулся вперед, навстречу.

- Иди сюда, Тирх...

Распушенные волосы Нии плавали вокруг ее лица подобно солнечному ореолу.

- Сюда, Тирх...

Он бросался к ней, пытаясь поймать ее тонкие руки... и наткнулся на гладкие стены. Зеркальные грани завертелись перед ним, вовлекая в свое бешеное вращение. Сознание Тирха помутилось.

- Ния... - шептал он, погружаясь в круговерть зеркального блеска. - Ния...

- Он бредит, - сказал кто-то над его головой.

Юноша с трудом приподнял тяжелые веки. Над ним склонилось озабоченное женское лицо.

- Ния... - прошептал он. - Ния...

- Это я, Тирх, - вымолвило лицо, наклоняясь еще ниже. - Это я, твоя мать. Посмотри на меня. Ты бредишь.

- Нет! - закричал он. - Нет...

На самом деле из его сомкнутых губ вырвался только слабый стон.

– Он бредит, – повторил мужской голос. – Это лихорадка. Пусть отдохнет, пока лекарство окажет свое действие.

– Мне кажется, он пришел в себя, – возразил женский голос.

Нависшее лицо отодвинулось вверх, и Тирх с облегчением вздохнул. Перед ним все померкло.

– Видите, он еще в беспомощности, – сказал целитель. – Ему необходим покой. Идемте.

Они вышли из комнаты и прикрыли за собой дверь.

– Он поправится? – спросила мать Тирха.

– Разумеется, – обнадежил ее целитель. – Нет оснований для беспокойства. Мальчика сразила нервная лихорадка. Это пройдет.

– Мы нашли его в Бамбуковой Роще, у болота... Как он туда попал?

Женщина сжала виски тонкими длинными пальцами. Она очень переволновалась, пока искали ее сына.

– Вероятно, он неважно себя почувствовал, искал уединения, – предположил целитель. – Отправился на прогулку в рощу и вот... упал, потерял сознание. Типичные симптомы нервной лихорадки.

«Он так сильно любит Нию, – подумала мать. – Размолвка с невестой лишила его рассудка. Бедный мальчик!»

– Побудьте у нас пару дней, пока Тирх не встанет на ноги, – попросила она.

– Конечно...

Глава 14

Подлипки. Наше время

Визит Широкова произвел на Лену странное впечатление. Она ощущала несколько эмоций одновременно – любопытство, восторг и страх.

«Чего я боюсь? – спрашивала она себя. – Очередного разочарования? Жизненной драмы? Любви – возможно, безответной? Или во мне заговорил инстинкт самосохранения? Рядом с Широковым возникает угроза не только моему благополучию, но и жизни. Гибель Багирова – тому подтверждение».

Она понимала, что у Павла сейчас трудный период, черная полоса. Ему нужно отвлечься, забыться, и его поступок может быть продиктован именно этим. А ей так хотелось обмануться!

«Не будь душой! – обрывала ее вторая Лена, более трезвая и критичная. – Не хватало только раскиснуть и поверить в мимолетный порыв мужского сердца. Что говорит тебе твой небогатый жизненный опыт? Мужчины – сезонные сборщики меда. При первом же дуновении осеннего ветра они улетают кто куда. Искать другие цветы или укромный уголок, где можно погрузиться в спячку до следующего сладкого сбора. Они не плохи и не хороши, они просто такие. И Широков – один из них. Его приезд не что иное, как минутная слабость. Такое происходит со всеми, даже самыми крутыми парнями».

Но первая Лена оказалась неисправимой мечтательницей. В глубине ее души теплилась надежда. А вдруг? Разве «плохиши» никогда не влюбляются в обыкновенных девушек? Правда, она – уже зрелая разведенная дама. Но ведь и Широков далеко не принц. Единственное достоинство – набит деньгами, как инкассаторский мешок.

Впрочем, не единственное... не стоит лукавить. Она вспомнила, как его губы скользнули по ее щеке и как сладко замерло сердце.

Они пили коньяк, и Лена опьянела. Что она болтала? Какую-то чепуху и глупости. Стыдно! Ей лучше не употреблять спиртное, особенно в мужском обществе. Мозги съезжают набекрень. Позорище... Широков небось до сих пор

смеется. Кажется, она ему и про Харлампия разболтала. А ведь обещала Гришиной держать язык за зубами. Ужас! Что на нее нашло? Она опять все испортила. Как же поправить дело?

Бам-м! Бам-м! Бам-мм...

Часы пробили одиннадцать вечера. Напольные часы с боем достались Слуцким в наследство от бабушки Анастасии Кирилловны. Одни она подарила невестке, другие – внучке. Придирчивая Элеонора долго раздумывала, поставить ей часы в гостиной или продать. Она выбрала первое и не пожалела. Гости, которые приходили к Слуцким, все как один любовались часами и нахваливали тонкий вкус генеральши. Часы оказались антикварной ценностью, и Элеонора Евгеньевна забрала их с собой в загородный дом. Вторые часы стояли в квартире Лены. Еще несколько старинных часов генеральша продала после кончины свекрови, и на эти деньги обустроивался второй этаж дачи, летняя кухня и гараж.

Раньше мелодичный бой часов пробуждал у Лены сентиментальные чувства. В эти мгновения она ощущала себя школьницей в преддверии первой любви. Ее сердце замирало от предвкушения несбыточного и оттого печального счастья.

Этим вечером привычные звуки вызвали у нее безотчетную тревогу. Она подошла к окну и выглянула в темный сад. Луна пряталась за тучами. Легкий шелест пробежал по саду, как приглушенный шепот...

Лене стало не по себе. Она закрыла окно и легла. Сон не шел. Дом потрескивал и вздыхал. На веранде стрекотал сверчок, во дворе шуршал щепень, как будто кто-то тихо крался вдоль забора к крыльцу.

Лена вскочила и прислушалась. Было по-настоящему страшно. Она проверила, крепко ли заперты двери и окна, забилась в самую дальнюю комнату, накрылась одеялом с головой и призвала на помощь все свое мужество.

Утром ее разбудил телефонный звонок.

«Значит, я спала?» – с облегчением вздохнула она.

– Алло, дочка! – в голосе генеральши звучало недовольство. – Ты до сих пор в постели?

– Ага...

– Очень на тебя похоже. Как дела?

– Дом цел, – пробормотала Леночка, подавляя зевок. – Газ не взорвался, водопровод не прорвало. Крыша тоже в порядке.

– Не питайся всухомятку, – строго приказала мать. – А то загубишь желудок.

– Папе лучше?

– Здешний климат творит чудеса, – повеселела генеральша. – И врачи на редкость внимательные.

Закончив разговор, Лена распахнула окно. Светило солнце, на траве лежала роса. Над кустами вьющейся розы кружили пчелы. День обещал быть теплым и ясным.

Ночные страхи отступили.

Лена позавтракала и вышла во двор. У забора стоял почтальон – мальчик лет четырнадцати с брезентовой сумкой через плечо. Он подрабатывал во время каникул, разносил подписные издания и корреспонденцию.

– Вам письмо, – сказал мальчик и протянул через забор конверт.

Лена с опаской повертела в руках письмо, – обратного адреса не было. Вверху стоял штампель московского почтового отделения. Она сунула конверт в карман и пошла к дому. На гравии лежал труп собаки с ременной петлей на шее. Это была лохматая дворняга, которую Лена подкармливала остатками обедов. Морду собаки облепили мухи. Скорее всего, дохлятину перебросили через забор мальчишки. Хулиганская выходка – ничего больше.

Лена едва сдержала подкатившую к горлу тошноту. Ночной страх вернулся с новой силой. В груди сдавило. Она заставила себя подойти ближе и посмотреть на дворнягу. В петлю был продет цветок настурции. Лена растерянно обернулась – перед домом пестрела настурциями мамина любимая клумба.

– Господи, – прошептала она, чувствуя, как тело охватывает озноб. – Господи...

Лена побежала в дом, дрожащими руками закрыла дверь на все замки. Выпив изрядную порцию коньяка и вернув себе способность рассуждать, она призналась в панической трусости. Подумаешь, дохлая собака? Лена боролась с желанием тут же, немедленно позвонить Широкову и умолять его о помощи. Предлог был хоть куда. Сдерживало только одно: он может расценить ее звонок как... А, плевать! Она набрала номер, который он дал ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Шельф – часть подводной окраины материков, прилегающая к берегам суши.

2

«Гроза» – здесь пьеса русского драматурга А. Н. Островского.

3

Подробнее читайте об этом в первых книгах серии Н. Солнцевой «Золото».

4

Лейрис – здесь название легкого воздушного судна.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-solnceva/legkie-shagi-v-okeane>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)